

СЛИШКОМ МНОГО ЛЮБОВНИКОВ

Автор:

Анна Литвиновы

Слишком много любовников

Анна и Сергей Литвиновы

Паша Синичкин, частный детектив #4

Ко мне, частному сыщику Павлу Синичкину, обратился некто Вячеслав Двубратов, производящий впечатление провинциального бандита. Он попросил найти свою пропавшую любовницу Алену и сразу выдал чрезвычайно щедрый аванс. Алена работала маникюршей, жила с мужем-неудачником в однокомнатной квартирке, детей у них не было – зацепиться, казалось бы, не за что! Для начала я отправился поговорить с мужем Алены, но обнаружил его убитым. Ничего не скажешь, хорошее начало! Я решил отказаться от этого сомнительного дела, отправился в гостиницу к Двубратову, чтобы вернуть аванс, но и его нашел мертвым в собственном номере... Что же скрывала скромная маникюрша, если ее исчезновение повлекло за собой такие странные и страшные события?

Анна и Сергей Литвиновы

Слишком много любовников

Все персонажи, а также предприятия и организации, упомянутые в романе, вымышлены.

Всякие совпадения с реально живущими или жившими людьми, а также существующими или существовавшими фирмами и учреждениями – случайны.

Плодом фантазии авторов являются также города Сольск, Черногрязск и коттеджный поселок Суворино.

Павел Синичкин.

Наши дни

Мужчина – редкий гость в приемной частного детектива.

Нет, не так, как в женской консультации. Но все же прекрасный пол среди моих клиентов преобладает. Особенно если приходят без рекомендации, без предварительного звонка. А тут вдруг явился, этакий хлыщ.

Моя секретарша и помощница во всем Римка – девушка тренированная. Хотя в тот момент никаких дел, кроме как играть в шахматы с компьютером, у меня не было, она помариновала гостя в приемной минут семь. Наконец ввела – успев сделать за спиной у мужика гримаску, адресованную мне. Гримаска означала: не поняла я, мол, кто он такой и чего ему нужно.

На первый взгляд тип мне не понравился. Впрочем, если бы я принимал только лично симпатичных заказчиков, давно бы сосал лапу. Частному детективу (как, впрочем, любому исполнителю) выбирать обычно не приходится. Надо иметь дело с той человеческой массой, каковая имеется в наличии. К тому же одежда и часы гражданина свидетельствовали о его платежеспособности, а сей факт для потенциального клиента является немалым плюсом. Товарищ на вид был лет сорока с хвостиком, с залысинами и маленькими бегающими глазками.

– Присаживайтесь, – широко и фальшиво улыбнулся я. – Чай, кофе? Чего покрепче?

Для создания доверительной атмосферы я встал из-за рабочего стола и пересел за столик для заседаний, напротив мужчины.

– Пить я ничего не буду, – мужик выразительно посмотрел на часы. Часами в последнее, весьма богатое (для отдельных личностей) время мало кого можно удивить. Тип носил «Таг хоэр», модель «Каррера», выпущенную где-то в восьмом

или девятом году. Стоили они в ту пору около ста тысяч рублей. Я же говорю, хронометр – хорошая рекомендация для потенциального заказчика.

– Давайте к делу, – распорядился он, словно стал в моем кабинете главным.

Я широко развел руками, будто бы желал обнять гостя: «Милости прошу!»

– Мне к вам посоветовал обратиться Серябин. Вы ему как-то помогли, года четыре назад. – Убей бог, не помнил я никакого Серябина. Надо будет потом попросить Римку, чтобы подняла архив.

– Что вас привело ко мне?

– У меня пропала любовница, – бухнул он.

– И?..

– И я хочу, чтоб вы ее нашли.

– Любовница, вы говорите? Значит, у нее муж имеется?

– К сожалению, да.

– А он? Он ее ищет?

– Да мне нас*ать, ищет он или нет. Главное, ее разыскиваю – я. Ясно?

Быковатая манера моего гостя слегка не вязалась с его дорогим костюмом – похоже, сшитым на заказ – и галстуком от «Этро». (Помимо всего прочего моя секретарша и помощница Римка принесла неоспоримую пользу тем, что научила меня разбираться в фирмах, марках и моделях одежды, как мужской, так и женской.) Вдобавок пальчики незнакомца были тонкими, холеными – явно не сильно знакомыми с огнестрельным оружием и блинами в затрапезной качалке.

– Скажите, а как давно пропала ваша девушка?

– Три дня назад.

– В полицию заявляли?

– Я тебе третий раз, русским языком говорю: я – ее – любовник. – Он выделил голосом все три слова. – Я не знаю, муж ее, может, и заявлял. Я официально не могу об ее исчезновении заявить. Но она мне нужна, въезжаешь? И мне нас*ать на мужа!

Выглядеть в глазах клиента чуть тупее, чем ты есть на самом деле, – полезный прием. Заказчик начинает нервничать, сердиться и невольно выдает в возбужденном эмоциональном состоянии больше сведений, чем хотел изначально.

Я не стал знакомить визитера со своими правилами и расценками – почему-то создалось впечатление, что они его не испугают. Попросил представиться и рассказать о пропаже. В ответ товарищ никакой визитной карточки мне не протянул, а только буркнул: «Зови меня Вячеславом» – и стал рассказывать.

Итак, его любовница звалась Аленой, фамилия – Румянцева.

– По паспорту, наверное, Елена. Но она себя назвала Аленой. И все ее так именовали.

Трудилась Алена маникюрщицей в салоне «Кейт и Лео», расположенном в самом центре столицы, на Чистопрудном бульваре. Проживала вдвоем с мужем в замечательном московском районе Марьино. Однокомнатная квартира, восьмой этаж, платила ипотеку. Детей не имела. И вот третий день, как ее мобильный телефон не отвечает.

– Может, она просто решила с вами расстаться, оттого и трубу не берет? – слегка подначил я.

– Я тебе говорю: телефон у нее отключен или находится вне зоны.

– Может, эту трубу она специально для связи с вами держала? И теперь решила эту связь оборвать?

– Нет, умник. Ее и дома нет. Муж взволнован. И на работу она не выходила.

– Как фамилия мужа, чем занимается?

– А я знаю?

– Муж догадывался, что вы с ней встречаетесь?

– Откуда мне знать?

Как всякий нормальный человек, параллельно разговору я оценивал собеседника и выстраивал версии, как и что могло случиться. Насчет озабоченного мужа и невыхода на работу Вячеслав, похоже, не врал, поэтому оставалось предположить следующее.

Версия первая.

Специалисты-криминологи утверждают, что в случае убийств на бытовой почве в девяти случаях из десяти виноват половой партнер. И вот мне представилось: однушка на восьмом этаже в Марьино. Муж третьего дня получает известие, что Алена ему неверна. Неважно, кто оказался доброхотом и кто настучал: соседка, подруга, добрая приятельница по работе. Вечером муж встречает неверную супругу дома. Выступает с обвинениями. Разражается скандал. А если Алена в ответ начинает лезть в бутылку и озвучивать собственные претензии к благоверному – тогда вообще труба. Слово за слово. Страсти накаляются. Он хватается, что подвернулось под руку: нож. Молоток. Табуретку. Наносит тупым (или острым) предметом удар по голове (или в туловище). Она мертва.

Теперь мужу надо скрыть преступление. О, насколько изобретателен может быть убийца, когда нужно уничтожить тело и замести следы! Чего я только не наслушался от преподавателей в школе милиции! Чего только не навидался за годы службы в органах! И отпиливание рук-ног-головы в ванной имело место. И заворачивание тела в ковер с последующим вывозом на помойку. И попытка растворить труп в кислоте. Тьфу, вспоминать тошно...

Ясно, что с мужем надо говорить в первую очередь. И с соседями по марьинской многоэтажке: слышали они шум ссоры? Удары? Крики о помощи? И если хоть малейший след выводит на смертоубийство, необходимо немедленно известить полицию – не хватало еще подобные дела расследовать (да и законом мне это запрещено)!

Версия вторая.

Впрочем, мой собеседник, как он утверждает, – Аленин любовник. И значит, тоже половой партнер. Стало быть, у него тоже имеется сколько угодно мотивов, чтобы ее убить. К примеру: Алена требует, просит, угрожает. Чего требует? А чего обычно требуют женщины? Признать будущего ребенка. Бросить свою мымру, жениться на ней. Или хотя бы свозить на Мальдивы. И вот мой Вячеслав отнекивается. Она настаивает. Разгорается спор. Где это происходит? Да где угодно! У него в машине. Или на природе, на пикнике. Погода сейчас хорошая. Или в тайном уютном гнездышке. А дальше может случиться все то же смертоубийство: под горячую руку попадается монтировка или опять-таки нож. Один нечаянный (а может, напротив, намеренный) удар, и женщина лишается жизни. А дальше перед убийцей возникает все та же проблема: как избавиться от трупа? Закопать в лесу? Утопить в озере? Растворить, тьфу ты, господи, в кислоте?

Если он, этот Вячеслав, убийца – зачем он ко мне тогда пришел? А кто его знает? Отвести подозрения. Или поиграть с огнем. Или (и такое бывает) найти для грязного дела (например, сокрытия трупа) для себя сообщника. В моем лице.

Поэтому его, потенциального заказчика, мне тоже следовало бы, от греха, прокачать. Причем немедленно, не сходя с места.

– А ты-то сам женат? – спросил я наотмашь, доверительно, по-мужчински. Решительно отбросив интеллигентское «вы».

И тут Вячеслав поплыл. Как-то даже не нашелся сразу, что ответить на столь простой и незатейливый вопрос. Наконец буркнул в ответ:

– А это какое значение имеет?

– Очень большое. Может, это твоя жена Алену порешила?

– Нет, этого быть не может! – решительно отрубил заказчик. – Даже копать не надо в этом направлении! – Однако практика показывает, что если мужчина не отвечает на простой вопрос, связан ли он узами брака, то он стопроцентно связан.

Я переменял тему и доверительно подался к визитеру через стол.

– Скажи, а где ты с Аленой обычно встречался?

И снова мой клиент слегка завис. Так зависает старенький компьютер, когда ты на нем одновременно играешь партию в шахматы, смотришь одним глазом сериал и пытаешься открыть фотографии новинок автосалона в Женеве. Наконец Вячеслав выдал из себя:

– Ну, дома у нее мы встречались. В Марьине. На квартире. Когда муж на работе.

– Имелось у вас свое, типа, уютное любовное гнездышко?

Снова Вячеслав занервничал при столь простом вопросе, а затем выпалил (словно ухватился за спасительную соломинку):

– В гостиницах мы номера снимали.

– Была какая-нибудь любимая?

– Любимая – кто?

– Гостиница. Или отель.

– Ты вот что, детектив, – рассердился заказчик, – давай, не умничай! Гостиница, гнездышко. Я говорю, это к делу не относится.

– Ладно. А скажи, ты не обращал внимания, может, извини за вопрос, у Алены по жизни был еще один мужчина? Кроме тебя и мужа? Кто-то третий?

– Вот! – клиент с неожиданным удовлетворением поднял вверх холеный палец. – Наконец-то правильно стал спрашивать. Вот это я и хочу узнать – от тебя. Кто у нее еще был? И с кем она, мобыть, сбежала?

– Значит, – я опять подался к нему, – Алена девушка была горячая?

Он нехорошо оскалился, прорычал что-то и, наконец, молвил, нехотя, человеческим голосом:

– Будем считать, что так.

– А есть какие-то подозрения?

– Насчет чего? – тупо уставился он мне в лицо.

– Насчет того, кем может быть этот третий?

– Слушай, Паша, как там тебя, – он выдвинул вперед челюсть, – знал бы я, кто этот третий, я бы сам его нашел и с ним разобрался, куда он мою Аленку дел. А пока я ТЕБЯ спрашиваю, понял?

Версия вторая, вариант «а». Я, пожалуй, переборщил с мнением об определенной интеллигентности Вячеслава. Подобный тип – особенно если ему на большую мозоль наступить – может и замочить, и далеко не только в состоянии аффекта. Поэтому появляется версия следующая – как подвид версии номер два: да, убил мой заказчик. Но не в состоянии аффекта, не в пылу нечаянной ссоры. Напротив, узнал, что у него имеется счастливый соперник – кто-то третий, не муж. Затем лелеял, пестовал свое чувство, долго готовился и, наконец, расправился с любовницей. Потом скрыл следы. А теперь пытается оправдать себя в своих собственных глазах. И задним числом, с моей помощью, узнать, а вправду ли у Алены был кто-то еще.

– Давай вернемся к мужу, – по-прежнему задушевно продолжил я. – Что Алена все-таки о нем рассказывала? Кто он по жизни, чего любит, чего не любит?

– Да при чем здесь вообще муж! – проворчал клиент.

– Да при том, что, может, он спецназовец. Может, у него особый навык – любого, супругу в том числе, в три секунды голыми руками порешить. Или, к примеру, он страстный игрок. А теперь вдруг в лотерею выиграл и не захотел с супругой делиться.

– Я тебе говорил: не знаю я ничего про мужа. Не рассказывала она.

– Хорошо, тогда вернемся к Алене. Карточки ее у тебя есть?

– Что?! – он непонимающе вытаращился на меня.

– Ну, снимки. Фоточки.

Он отрицательно помотал головой.

Я поразился: «Что, даже в телефоне нет?!»

– Нет! Не любила она сниматься. Замужняя женщина все-таки.

– Ладно. А скажи: что она сама, по жизни, любила? Чего не любила?

Он скислился.

– Зачем тебе это?

– А затем, что если Алена, к примеру, рассказывала тебе – сто раз, как женщины это умеют, – как она сучает по деревне Заколдобье в Ивановской области, где у ней бабка живет, значит, есть вероятность, что она сорвалась, все бросила и туда уехала. Или, к примеру, она всю жизнь мечтала в Юрмале побывать. Или, может, у нее тяга непреодолимая – осесть на греческом острове, мало обитаемом. Понимаешь меня?

- Кажись, не было у нее ничего такого, - сморщился мой визави.

- А приметы у нее какие на теле?

И опять он завис, так и захотелось постучать по клавише «Enter», чтобы очнулся. Или нажать разом «Ctrl-Alt-Delete». Наконец он довольно тупо переспросил:

- Какие еще приметы?

- Ну, я не знаю. Родинка, к примеру, на левой груди, - проговорил я доверительно. - Или шрам на попе.

- Это тебе для чего?

- Для опознания.

- Не было у нее ничего такого, - пробурчал Вячеслав и покрылся вдруг краской - хотя казалось мне, да и вся ситуация о том свидетельствовала, что был он далеко не робкого десятка.

Я еще поспрашивал клиента о пятом-десятом, связанном с исчезнувшей, однако ничего нового-интересного он мне, увы, не сообщил.

Наконец я сказал Вячеславу, что берусь за его дело, и огласил свои условия. Он сказал, что его все устраивает.

- Паспорт могу я твой попросить? - спросил я.

Он набычился.

- Это еще для чего?

- Для договора.

- Нет, не надо никакого договора, - решительно возразил он. - Условились, руки пожали, я тебе дал деньги. Налом. Ты мне расписку написал, в произвольной

форме. А больше – никаких бумаг. Ты чего, скучаешь налоги платить?

Слаб человек, и я не исключение. Да и налоговая наша полиция пока не настолько сильна и всевидяща, чтобы к столь скромным, как я, индивидуальным предпринимателям, засылать таких, как Вячеслав, провокаторов – в дорогих часах и костюмах. Я вздохнул: «Ладно, давай договоримся на словах».

Он отвалил мне задаток, а я попросил оставить телефон для связи. Он продиктовал. При этом, что интересно, называл цифры по-особенному. Я давно заметил, что жители Москвы и Петербурга после мобильного префикса свои семизначные номера обычно вслух диктуют так: ХХХ – ХХ – ХХ. Трехзначное число, а потом два двузначных. К примеру: сто двадцать три, сорок пять, шестьдесят семь. А он свой номер после префикса зачитал иначе: тридцать семь, тридцать три, сто двенадцать. Двузначный-двузначный-трехзначный. Верный признак, что товарищ не москвич.

Я так его с ходу и спросил. А он снова кровью налил и буркнул в прежнем стиле, не сдерживая раздражения:

– Тебе-то что за дело, умник?

– Да дело в том, что интересно, где ты с Аленой познакомился. И где встречался.

– Я тебе все сказал, что тебе для дела надо, понял?

Вот и весь разговор.

* * *

Когда Вячеслав ушел, я нажал кнопку интеркома и приказал Римке: «Кофе мне!»

Она появилась в моем кабинете спустя три минуты, при этом чрезмерно, чтобы меня позлить, виляя задом. На лице ее блуждала загадочная улыбка. Она молча поставила передо мной чашку крепкого эспрессо, как я любил, без сахара. Улыбка ее мне не понравилась, и я отрывисто спросил: «Что?» За много лет совместной деятельности мы научились понимать друг друга без слов.

- Ты будешь с этим типом работать? – пропела моя секретарша.

- Да.

- Зря, Пашенька.

- Почему это?

- Мутный он какой-то. От таких надо держаться подальше.

- Если бы я отказывал каждому, от кого надо держаться подальше, мы бы давно без штанов ходили – причем оба. Точнее, я – без штанов. А ты – без трусов.

- А я и так, – пропела она, – когда тепло – как сегодня – хожу обычно без трусиков. – И добавила: – Если ты помнишь, конечно.

Я терпеть не могу ее намеков на нашу былую интимную связь – давно, впрочем, прошедшую, – поэтому немедленно выгнал Римку из кабинета.

Затем допил эспрессо и, дабы привести впечатления от визита Вячеслава в порядок, решил пройтись. Мой офис расположен до чрезвычайности благоприятно для прогулок на свежем воздухе – на окраине парка «Кусково». Погода тоже способствовала пешему хождению – начало лета, тепло, и соловьи поют даже среди бела дня. В смысле организации рабочего времени ничто моей отлучке помешать не могло – был я сам себе хозяин, и никаких начальников над собой не имел (да и не потерпел бы).

На прощание я велел Римке найти в соцсетях и вообще в Интернете мою новую подопечную: Алену (Елену) Румянцеву, лет около тридцати пяти, работающую в Москве в маникюрном салоне.

- И фотки мне ее распечатай. Три-четыре, в разных ракурсах. Можно – в купальнике.

Раньше, рассказывали мне, до времен повального увлечения Интернетом, частные детективы даже в счет своим клиентам вписывали: «Найти или сделать фотографию объекта – пятьсот долларов». Теперь, когда все, от мала до велика,

сидят в соцсетях, проблема решается в два клика мышкой.

- Тебе этот тип что поручил? Следить за девушкой? - скептически спросила Римма.

- Не следить, а отыскать ее.

Она хмыкнула: «Ну-ну», - и безо всякого энтузиазма взялась выполнять мое поручение. Однако все-таки взялась.

Да, даже маленькое предприятие - из двух сотрудников, включая меня, - нуждается в правильном выстраивании властной вертикали. Не скажу, что мне это удастся идеально.

Когда у тебя только наклеивается служебный роман с подчиненной - ты обычно чувствуешь себя вдохновенно, но слегка неловко. Когда эта связь случается и развивается, неудобство усиливается. Но вот о том, как вести себя ПОСЛЕ того, как отношения закончились, вам не расскажут даже на курсах этикета для топ-менеджеров. И то, что мы с Римкой в итоге, после всех перипетий, вырулили на более-менее правильный тон, на девяносто девять процентов ее заслуга. Хотя, на мой взгляд, она могла бы вести себя сейчас поскромнее.

Трудились мы вместе с моей помощницей довольно давно, и все эти годы она со мной кокетничала - то ли всерьез, то ли коготки оттачивала, силы проверяла. А потом, пару лет назад, я все-таки дал слабину, и мы однажды утром проснулись в одной койке. Дальше больше: мы съездили вдвоем в Европу, после чего она перевезла ко мне свою зубную щетку.

Однако после пары месяцев горячей страсти, в одно не менее прекрасное утро, я вместо девушки на соседней подушке обнаружил там ключи от своей квартиры и заявление на увольнение.

Я решил было, что больше мы никогда с Риммой не увидимся. Стал искать себе новую помощницу-секретаршу. Затем передо мной в течение полугода проходил настоящий парад человеческой тупости и бездарности.

А потом Римка вдруг вернулась. И сказала: «Между нами кончено все и навсегда. Я попробовала жить с тобой и поняла, что круто и серьезно ошиблась. Ты невоспитанный, грубый, недалекий. Личную жизнь я с тобой, Паша, никогда больше строить не буду. А вот работать с тобой интересно. И начальник ты хороший, понимающий. Возьми меня обратно. Невзирая на инфляцию, согласна даже на прежнюю зарплату». Я не стал надувать щеки – тем более что не раз с тоской вспоминал о способностях Римки – и взял ее на пустующее место. И теперь наши отношения напоминали взаимодействие тридцать лет женатых супругов: взаимопонимание, легкие свары и память о былом интиме. Впрочем, на непростой характер моей помощницы я старался внимания не обращать – зато ее деловые качества стократно превышали способности всех, вместе взятых, девчушек, коих я пробовал ей на смену.

Наш с Риммой офис находился в здании, в советские времена построенном для научно-исследовательского института. С тех пор НИИ влачил жалкое существование и перебивался тем, что добрых три четверти своих помещений сдавал в аренду. Мой кабинет некогда занимал начальник первого отдела. В определенном смысле помещение и теперь использовалось аналогично: вынюхивать, высматривать, выслеживать. Вот только ничей моральный облик меня, в отличие от коммунистов советских времен, ни капли не волновал.

Я прошел коридорами института, иногда здороваясь с теми сотрудниками или арендаторами, с кем успел познакомиться за годы, что я здесь обретаюсь. Вышел через турникеты, приложив к ним пропуск, и отправился в сторону парка. Час прогулки на свежем воздухе, как утверждают британские ученые, на сорок процентов повышает креативность. Наверное, это действительно даже в отношении такого недалекого человека, как я.

Когда я шагал по пустынной улице к парку, у меня вдруг возникло довольно забытое чувство, что за мною следят. Не стесняясь, я оглянулся. На тихой улице – никого. Навстречу не спеша пылит грузовик. У тротуара припаркована видавшая виды «Нексия». Там и вправду сидят двое. Я прошел еще метров тридцать и снова обернулся – на сей раз скрытно, делая вид, что завязываю кожаный шнурок на мокасынах. Нет, «Нексия» стояла на прежнем месте, никто из двоих из авто не вышел, никто за мной не следовал, и никакая иная машина за мной не тащилась.

«Почудилось», – подумал я и вошел в парк. Я постарался направить мысли в сторону своего нынешнего заказчика и его объекта, Румянцевой Алены.

Вспомнил, что Вячеслав несколько раз в ходе нашего разговора плыл. У него не оказалось фотки любовницы – но это ладно, я ведь тоже не имел фоток, к примеру, Римки. Даже в эпоху, когда наши с ней отношения развивались полным ходом. Однако заказчик не знал, что ответить, когда мы говорили о родимых пятнах исчезнувшей. И о тайном убежище, где они встречались. Не похоже на возлюбленного.

В принципе в этом ничего особо странного нет. Мне не раз приходилось иметь дело с тем, кто называется заказчиком по доверенности. Когда истинный клиент не хочет светить перед частным сыщиком собственное лицо и посылает друга/родственника/подчиненного, чтобы тот представлял его, будто бы от своего имени. Я так для актрисы Екатерины Г*** (потом вычислил, что именно для нее) ее суженого по заявке подруги проверял. Наверное, сейчас был такой же случай.

А вот почему истинный бенефициар себя передо мною не демонстрирует, бог его знает. Тому может быть тысяча причин. Может, он известная личность. Или стесняется. Или у него тупо нет времени на визиты ко мне. Да, скорее всего, Вячеслав – не подлинный любовник пропавшей. Замена. Подставное лицо. Ну и пусть. Это меня не сильно колыхало.

Как и то, что он, скорее всего, провинциал. Тоже довольно объяснимо. Его шеф или друг наезжает в Москву, проводит восхитительное время в объятиях Алёны Румянцевой. И вдруг – бац, в один прекрасный момент она исчезает. А сам любовник, он же шеф/друг Вячеслава, слишком занят, чтобы бросить все и кинуться в столицу разбираться. Вот и послал, по дружбе или по службе, подчиненного или приятельствующего с ним товарища.

В лесу птицы гомонили так, будто решали мировые вопросы на ближайшие пятьсот лет. Свежие, еще не побитые пылью листочки радовали глаз.

Спустя сорок минут я возвращался в офис освеженный. Тем более приятно было осознавать, что моя подчиненная в то время, пока я гулял, трудилась не покладая рук. И когда я приду, обрадует меня добытой из социальных сетей фотографией Алёны. А также почерпнутым оттуда списком ее друзей и наиболее важными перипетиями ее жизни.

«Нексия», которая стояла на улице, ведущей к офису, куда-то исчезла. Ощущение, что за мной следят, тоже испарилось.

В приемной Римка с сосредоточенным лицом сидела за компьютером. Девушка работала – в этом интуиция меня не обманула. А вот в том, что она меня порадует, я очень даже ошибся.

– Нашла фотографию Румянцевой?

– Нет.

– Что так?

– Аккаунта Румянцевой нигде не оказалось. Ни Вконтакте, ни на Фейсбуке, ни в Одноклассниках.

– Да?! Давно ты видела молодую москвичку, которая бы не участвовала в социальных сетях?

– Только что первый раз.

– Давай, копай дальше. Не может быть, чтобы она вообще никогда в Интернете не засветилась.

Я прошел в свой кабинет и уселся за комп. Сайт у сети косметических салонов «Кейт и Лео» имелся. По Москве их общим количеством значилось тринадцать – нехорошее число. Еще три числились в области. Алена Румянцева (она и на официальном сайте представлялась как Алена) действительно присутствовала в том, что расположен на Чистых прудах. Однако фотографии ее и здесь не было. Просто фамилия и должность – ногтевой сервис. Подумать только, ногтевой сервис! Мне сразу почему-то пришла в голову инквизиция. Брр. Ниже был указан телефон администратора.

Я не стал долго рассусоливать и набрал его.

– Салон красоты «Кейт и Лео», – пропел в трубке девичий голос, – меня зовут Екатерина, чем могу помочь?

- Я хотел бы записаться на маникюр к Алене Румянцевой.

В трубке возникла небольшая пауза, равносильная замешательству. Потом ответили:

- К сожалению, Алена сейчас, э-э, не работает.

- О, как жаль! Мне ее очень хвалили. А она - что? Больна? - продолжал настаивать я. - Или в отпуске?

- Да, в небольшом отпуске, - соврала администратор.

- Когда будет?

- Полагаю, на следующей неделе, - соврала она еще раз.

- О, это мне долго ждать. Посоветуйте тогда, к кому я мог бы записаться на завтра.

- Вот, я вижу, есть окошко у Зои. А вы что хотели бы? Маникюр? Педикюр?

- Не дай бог никаких «педи»! Только маникюр.

- Двадцать часов вас устроит?

- А раньше?

- Нет, раньше, к сожалению, все занято.

- Ладно, что поделывать, записывайте.

На сайте я одновременно видел, что в салоне работают три мастерицы «ногтевого сервиса», одна из них звалась Зоей Шагиной.

Практически немедленно я нашел ее в соцсетях. В отличие от моего объекта она была вся нараспашку. И фотографий полно. Милая девушка, только очень худенькая. Я проверил ее друзей – никакой Румянцевой среди них не значилось.

Время клонилось к семи, и я вышел из своего кабинета. Римка зависала за компьютером, и не поймешь с первого взгляда, по делу или со своими потенциальными женихами чатилась.

– Я уехал на адрес к Румянцевой, – бросил я. – Ты тоже можешь быть на сегодня свободной.

– Слушаюсь, – саркастически ответствовала моя помощница, как бы имея в виду, что, если бы захотела, ушла в любой момент без моего благословения.

«Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» – восклицал, помнится, некогда Фамусов. Я бы перефразировал классика в том смысле, что еще более тяжкая комиссия – быть начальником. Да еще у бывшей возлюбленной. Вот только как это будет в рифму? Задача для моего скромного ума непосильная.

Алена Румянцева.

Двумя годами ранее

С мужем у Алены давно особого понимания не было. Что там говорить о любви!

Когда-то худенький, красивый, милый мальчик; веселый, остроумный, подающий большие надежды. Как он красиво за ней ухаживал! Цветы, лимузины.

Турпоездка в Париж. Она тогда вообще ни разу за границей не была – а тут целый Париж! О, как он водил ее по знаменитым кафе! Дорогуший и пафосный «Жюль Верн» на Эйфелевой башне, всемирно известная по книгам и фильмам «Ротонда» в районе Монпарнас, а также «Гранд-кафе» на бульваре Капуцинок. Устрицы, лангусты, ледяное белое вино. А как они в ночи распивали шампанское в кабаре «Лидо» и «Крэйзи хорс», смотрели на вымуштрованных полуобнаженных девушек! Париж волновал, будоражил кровь. Каждый встречный мужчина, не исключая подростков и стариков, окидывал ее

оценивающим взглядом. И она – юная, красивая, двадцатидвухлетняя – почувствовала себя, как в сказке, королевой бала. А Женька был ее принц. На мосту Пон-Нев – тогда еще не украшенном многочисленными замками с именами, не пришла та мода – он встал на одно колено и сделал ей предложение. Протянул кольцо с бриллиантом в бархатном футляре. Японские и китайские туристы принялись наперебой фотографировать их, будто они модели или актеры. На минуту Алене показалось, что она – в центре всей вселенной и весь мир вращается вокруг нее. Сердце замерло, предложение было принято, азиаты зааплодировали. Представлялось, что вся дальнейшая жизнь станет сплошной сказкой и праздником.

Разумеется, с самого начала появились проблемы – но в какой, скажите, молодой семье их нет? Они всегда идут в придачу к любой сказке. К примеру – где жить. Свекровь Алёну на дух не переносила. Список ее претензий к невестке был огромен. Притязания и наезды начались с самой первой встречи.

– Так вы, Елена, не москвичка? – с ехидцей вопрошала свекровь.

– Нет, не москвичка, – скромно, по первости, опускала глаза Алёна.

– Откуда, интересно, к нам прибыли?

– С Дальнего Востока.

– А конкретней?

– Амурская область.

– Из какого, интересно, города?

– Черногрязск. – Название и впрямь далеко не звучное, но Алёна давно притерпелась и привыкла. В стране, где премьер-министром может быть человек по фамилии Черномырдин, вполне сойдет для малой родины.

– Черногрязск? Это что – поселок? Или деревня?

– Нет, город, около тридцати тысяч населения.

– Н-да? А кто, можно узнать, ваши родители?

– Они, к сожалению, умерли, оба – и мать, и отец. Отец – когда мне шесть лет было. А мама – в мои шестнадцать.

– Так вы, Елена, круглая сирота?

– Нет, почему? У меня есть брат, на три года старше. В милиции служит.

– Ах, в ми-ли-ции! – неподражаемо высокомерным тоном комментировала свекровь. Сама, можно подумать, дворянка голубых кровей! Весь свой век на заводе расчетчицей в бухгалтерии просидела, затем досрочно отправлена на пенсию.

Но претензий было, претензий! Особенно по отношению к невестке. Сначала она озвучивала их сыну, а потом и прямо в глаза: Румянцева – лимитчица (хотя и самого явления не стало, и слово практически испарилось, а вот, поди ж ты, свекруха помнила). Вдобавок – без высшего образования, какая-то маникюрша. И далее, по списку: готовить не умеет (полное вранье!), за сыном не ухаживает, пытается через него в Москве зацепиться. На жилье их семьи нацелилась. Хотя, господи, что там за хоромы! Малогабаритная двушка в Химках, кухня пять метров, санузел совмещенный, комнаты тоже. Прописаны Женик, вредина-свекровь и свекор. Ни минуты Алена не собиралась там жить.

Но где? Сначала они с Женькой снимали, потом оформили ипотеку. Квартира в Марьино на первых порах показалась раем: огромная кухня – десять метров! Гигантская комната – хочешь, гостей принимай, хочешь, телевизор смотри, хочешь, разложил диван и сексодром устраивай. Правда, если посчитать, оказалось, что со дня заселения они в ипотеку две цены за нее уже выплатили – и конца не видно.

И еще одна имелась у свекрухи категорическая претензия: Алена брать мужнину фамилию наотрез отказалась. Он сам и не настаивал. Понимал, что звучит его родовое имя далеко не блестяще. Зюзин, подумать только! Значит, она будет Зюзина? Нет, на фиг, пусть остается Румянцева. Красиво ведь, ярко, согласитесь. Актриса такая советская была, правда, выступала в ампула инженеру – маленькая и комическая, в «Девчатах» сыграла, мультики озвучивала.

Но у Алены ампула другое – героиня. Пригожая, статная, сексапильная. Мужики так и крутились (еще одна претензия от свекрови и временами приступы ревности со стороны Женьки). Но она, особенно попервоначально, с посторонними – ни-ни, домой, к своему Евгению.

Правда, в последнее время что-то случилось. То ли огонек в ее глазах стал гаснуть. То ли располнела слегка от сидячей жизни – а на спортклуб не остается, честно говоря, ни времени, ни денег, ни сил. А, может, штука в том, что любимый муж совершенно перестал заводить, вдохновлять? Ох, когдатощный милый, подающий надежды, тонкий мальчик за двенадцать лет совместной жизни превратился в настоящего борова. Толстенный, вонючий (потому что беспрестанно курил и частенько выпивал). Да, он оставался милым, угодливым и остроумным – когда не злился (однако злился, к сожалению, частенько). Иногда остроумно шутил и бывал гиперактивным (особенно в кратком промежутке между вторым и третьим пивом). Но Зюзин давно уже не подавал никаких надежд, ничего не желал, ни к чему не стремился. Приходил с работы (когда работа имелась и было куда ходить), тупо садился перед телевизором, включал футбол, или хоккей, или на худой конец любой другой спорт, хотя бы даже керлинг, открывал бутылку пива. Потом вторую, третью... Иногда – если Алены не было дома, и она не отбирала – и четвертую, пятую, а порой и мерзавчиком водочки догонялся. Тяжело выбирался из кресла, ходил на кухню курить, прованивал всю квартиру. Пытался дымить даже в комнате – единственной, и гостиной, и спальне в одном лице, – но Румянцева воспротивилась категорически.

Дипломированный инженер, окончил институт связи, больше того, получил диплом с отличием – он карьеры никакой не сделал. Из одной фирмы попросили уйти – полгода сидел без работы. Устроился на новую, год походил – и там до свидания. Еще год на пособии. В третий раз продержался полгода. Алена пыталась выяснить, в чем дело, почему, что с ним не так, посоветовать что-то, помочь. Зюзин, в чем причина, не кололся, супился, обижался. Бормотал что-то вроде, что все они дураки, работать не умеют, его не понимают. Что-то лепетал, что выглядело совершенно по-детски. Наконец устроился налаживать охранные сигнализации. Работа, в сущности, не инженера – техника. Платили соответственно. Приходилось мотаться по всему городу, да частенько и области. Машины не было, да и водить Евгений не умел. Не хотел учиться, к авто не стремился. Но и то хлеб, что хоть где-то работал.

Порой, когда возвращался из области, из чьего-то богатого дома, где монтировал или чинил сигнализацию, с упоением рассказывал, какие там богатые лестницы, сортиры, картины, спальни и кухни. Но если Алена подначивала: а почему это не у тебя? Почему ты сам не можешь добиться? – сразу потухал, сникал. Бормотал: «Ну, где мне».

Однажды вернулся с работы весь возбужденный, восторженный. Стал рассказывать: крутой особняк, тринадцать помещений, весь день провозился. А женщина-хозяйка попросила еще поставить дополнительный датчик на зеркальный шкаф-витрину с драгоценностями. А там – начал упоенно рассказывать – чего только нет! И яйцо Фаберже с бриллиантами, и золотое блюдо, отделанное рубинами, и индийская слоновая кость, украшенная изумрудами.

– Вещей – на миллионы долларов! – стал с восторгом восклицать. – На десятки миллионов!

Что-то похожее на ревность или на зависть кольнуло тогда Алену. Ведь у нее нет такой красоты и вряд ли когда будет. Она подначила супруга:

– Так, значит, тебя эта тетя, хозяйка, соблазняла?

– Да что ты, она старуха!

– Вот потому драгоценностями и соблазняла!

Женя оторопел – ему эта простая мысль, кажется, даже не входила в голову.

– А ты что растерялся? – продолжила Алена. – Тюкнул бы ее по башочке, как Раскольников, а брюлики – себе.

И эта столь простая идея тоже, похоже, не являлась Зюзину – слишком он правильный. А вот Алене, как она услышала про бриллианты-изумруды, мысль об ограблении прежде всего и пришла. Да только что толку? Где она, а где драгоценности? Так и будет до скончания века ногти чужим теткам пилить.

Предложение жены «тукнуть старушку» ошеломило Евгения. Он минуту подумал – наверное, проигрывал ситуацию, взвешивал в уме, а потом молвил:

– А куда драгоценности девать? Где ты потом их продашь-реализуешь? И все знают, и у меня на фирме, и в семье у старухи, что это я к ней в тот день приходил. Мигом вычислят... – Потом еще поразмышлял и добавил: – Да и ударить человека по голове топором я как-то не могу.

– Вот, в этом главный твой недостаток! – полусерьезно, полусхотя промолвила тогда Алена.

А он всерьез все воспринял:

– Недостаток? Значит, когда ты не можешь прибить человека – это теперь называется недостаток?

А она как будто удила закусилась:

– Конечно! Кто у нас сейчас по жизни преуспевает? Те, кто кого-то когда-нибудь грохнул. Ну, или способен грохнуть.

Зюзин прищурился, голос его задрожал:

– А я, значит, раз убить не могу – получаюсь неудачник?

Тут Алена поняла, что забралась слишком далеко и высоко, и дала задний ход: «Удачник ты, удачник! Все и у тебя, и у нас хорошо», – и принялась тормозить его, целовать в глаза.

Однако с интимной стороной жизни у них со временем тоже разладилось. Куда-то улетучилась страсть, больше того, перестала Алена со временем Зюзина желать – совсем. Когда он проявлял инициативу, не отказывала, терпела и иногда даже кое-что сладкое от него получала. А сама заводилась крайне редко – практически никогда.

Теперь немаловажный вопрос – дети. Они с Зюзиным давно, со времен новой квартиры, не предохранялись, однако детей не было. Алена на второй год

попыток пошла к врачу, сказали – приводи мужа. С огромными усилиями, после прятков и скандалов, она его вытащила. Обследовали. Сказали что-то вроде: идиопатическое бесплодие. То есть никаких явных дефектов нет. Затрудненная проходимость, спайки (у нее), не очень быстрые живчики (у него), бла-бла-бла. Надо изменить образ жизни, причем обоим, бросить пить-курить, больше гулять, заниматься спортом. Желательно поехать на курорт, принять грязевые ванны.

Однако Зюзин ничего не хотел. Вернее, хотел – но чтобы все устроилось само собой. В один прекрасный день проснулся и – бац, аллилуйя! – не пью, не курю, а в кармане, неизвестно откуда, путевка на Мертвое море.

Не раз и не два она думала бросить Евгения. Но ведь он – такой добрый, толстый и неприспособленный! Он ведь просто пропадет без нее. Что с ним станет? И другой вопрос: где ему жить? Свекровь, превратившаяся со временем в ядовитую, желчную, сухую старуху, однажды возьми и помре. Как и следовало ожидать, от разлития желчи. Свекор довольно быстро в пресловутую квартиру в Химках привел новую супругу – мачеху, стало быть. Они там никак родного сыночка не ждали. Зюзин-то собственному отцу раз в год, после Алениных напоминаний, звонил, с днем рождения поздравлял – а вы говорите, ему там жить. А как ей с Зюзиным, если что, марьинскую однушку на двоих делить? Она узнавала, приценивалась: получалось, каждому достанется по комнате в убитых коммуналках – причем где-то в дальнем Подмосковье.

Что оставалось? Терпеть? Вдобавок ее мамочка-покойница так учила – уходить надо куда-то. Если, к примеру, увольняешься с работы – надо заранее иметь, куда устроишься. Если от мужа ноги делаешь – должен быть другой, явно, очевидно лучше.

А другого не было. Может быть, пока не было?

Но однажды случилась у нее встреча, которая внезапно изменила ее жизнь к лучшему.

Ох, и непонятно ведь, к лучшему ли.

Дело было так.

В свой выходной день (Зюзин работал где-то в Подмосковье) Алена с подружкой Кристиной отправилась в кино. Потом пошли перекусить в одно из заведений в торговом центре – где теперь и магазины, и фильмы, и еда. Сидели, болтали, увлеклись. И вдруг какая-то суета у входа, крик, толкотня.

А потом неожиданно к их столику идет замечательно красивый молодой человек – высокий, статный, накачанный, черноволосый-голубоглазый, а в руках несет Аленину сумку.

Подходит к столику и весело спрашивает:

– Это ваша, гражданочка?

Алена лепечет:

– Да, моя.

– Что же вы за своим имуществом так плохо наблюдаете? Только что была совершена попытка кражи.

Румянцева вылупилась:

– А кто украл? Вы?

– Нет, – смеется красавец, – мною покушение на кражу было пресечено, имущество, вот, возвращаю законному владельцу. Злодея пришлось пока отпустить, потому что доказательную базу собирать умучаешься, да и не хотелось вас утруждать дачей показаний и писаниной. Все в порядке, сумка вернулась по назначению. Вот и хорошо. Проверьте на всякий случай, ничего ли не пропало?

Алена только и успела пробормотать:

– А вы кто?

А красавец смеется:

– А я представитель органов правопорядка, начальник группы по борьбе с бандитизмом капитан Андрей Шаев.

Алена начала бормотать, что, мол, нет в природе такой группы – однако Кристи сообразительней в тот момент оказалась, стала восклицать: «Ой, как приятно, что вы нам помогли! Спасибо большое! Теперь мы просто обязаны в знак нашей благодарности угостить вас кофе! Присаживайтесь, пожалуйста, к нам за столик!» Кристина, конечно, на Шаева сразу запала – вдобавок она девушка незамужняя и находится в постоянном поиске. А капитан отнекиваться не стал, уселся. Попросил себе не кофе, а чаю и стал поучать, как пасти свою собственность в общественных местах: сумочки не ставить на свободные стулья или под стол – там они становятся легкой добычей карманников. Лучше держать их на коленях или на столе.

Кристи пожирала красавца глазами – но Алена видела, чувствовала: он-то запал на нее. И она, впервые за время замужества и впервые после мужа, – тоже запала на него. Такое давно забытое, почти новое чувство – теплоты во всем теле и прохлады внизу живота. И легкого озноба, покалывания в кончиках пальцев.

О чем они говорили, она толком не помнила. А потом Шаев отошел и незаметно расплатился за их обед. Скомандовал: «Поехали!» – «А счет?» – пробормотала Кристи. «А мы убежим, не заплатив».

Он усадил их в «Лексус» – не новый, но все-таки «Лексус» – и скомандовал: «Развезу вас, гражданочки, по домам. Диктуйте адреса!»

Алена практически не сомневалась: он сделает так, что первой доставит к месту назначения Кристину.

А потом она с ним останется в его машине наедине.

Так оно и вышло. И когда они подрулили к подъезду в Марьине, он небрежно обнял ее и сильно поцеловал в губы. Поцелуй оказался таким, что перехватило дыхание и обмерло сердце. Но дальше он ее задерживать, мучить больше не стал. Отпустил, однако номер ее телефончика взял.

Так все и началось.

Павел Синичкин.

Наши дни

До Марьиной мне от своего офиса близ Кускова ехать было недалеко.

И хоть навигатор предлагал миновать пробки странным, никогда не езженным маршрутом (четырнадцать километров), я выбрал апробированный путь через МКАД.

Там пришлось постоять в заторах, поэтому к дому, где проживала в своей однушке гражданка Алена Румянцева, я прибыл примерно через час. И тут как раз мне позвонила Римка. Она была возбуждена.

– Слушай, детектив, – протрещала она, – я тебе говорила, что ни в каких соцсетях нету твоего объекта? – Давным-давно я выучил помощницу, чтобы она не трепала, особенно по телефону, фамилии моих заказчиков и тех, кого заказывали, – называла по имени-отчеству или совсем коротко: «объект». Мало ли кто нас вдруг слушает! Римка мое указание запомнила и исполняла неукоснительно. Не дожидаясь моего ответа, она продолжила: – Так вот, я покопалась в Сети – детали я тебе рассказывать не буду, все равно не поймешь, – я покорно проглотил это «не поймешь», – и обнаружила, что Алена не просто НЕ состоит в соцсетях. Нет, когда-то она была – и в Фейсбуке, и в Одноклассниках, и Вконтакте. Но два месяца назад она оттуда все свои аккаунты удалила! Одновременно и отовсюду. Каково? – переспросила она.

– Круто, – откликнулся я. – Молодец, можешь взять на полке пирожок. А фотографию достала?

– Чью?

– Я же просил. Алены.

– Нет пока.

Римка фыркнула и отбилась.

Я чрезвычайно удачно запарковался – на всякий случай в достаточном удалении от искомого дома. Оценил, где примерно расположена квартира номер триста шестьдесят восемь, и деловой походкой направился к подъезду. Разумеется, доступ в парадное оберегал домофон. Я не стал звонить мужу снизу, объясняться с ним через переговорное устройство. Домофон оказался самой простой модели – «Цифрал». Ключи к нему я помнил чуть ли не наизусть, поэтому попорхав над клавиатурой, легко открыл. Автоматически взглянул на часы: двадцать пятнадцать. Скорее всего, супруг по фамилии Зюзин уже дома.

Консьержки в подъезде предусмотрено не было, и в лифте, украшенном зеркалами, я вознесся на восьмой этаж.

На лестничной площадке назначенного этажа внутри меня словно прозвонил тревожный звоночек. Как в тот момент, когда я сегодня вышел пройтись, увидел на нашей тихой улице «Нексию» и мне почудилось, что за мною следят. Здесь не было подобного ощущения, однако...

Приквартирный холл на восьмом этаже отделяла от лестницы и лифта – как повелось в последнее время в нашем беспокойном отечестве – мощная железная дверь. Так вот, она оказалась незаперта и приоткрыта. Я оглянулся: может, какого-то покорного зятя изгнали перекуривать на лестницу? Но нет, никого вокруг не было и куревом не пахло.

От греха подальше я достал бумажный носовой платок и открыл дверь в тамбур с его помощью. Вошел, секунду подумал и на всякий случай запер за собой замок.

Огляделся. В тамбуре, как везде и всюду в подобных местах, валялись громоздкие/ненужные вещи. Пара детских велосипедов и даже снегокат, а также коробки, заполненные хламом, который жалко или лень вынести на помойку. А еще одна из четырех дверей на площадке тоже оказалась полуоткрыта. Даже не глядя на номер, я догадался, чья она, и уровень адреналина в моей крови прыгнул вверх.

Я подошел к двери – и впрямь та самая, где проживала супружеская чета Зюзин – Румянцева.

Как и прежде, с помощью носового платка, я распахнул дверь. Негромко окликнул хозяина: «Эй, есть кто живой?» Из квартиры пахло застарелым запахом курева и подкисшего пива. И еще кое-чем, неприятным. Я встречал этот запах, когда служил в полиции – тогда она звалась ментовкой.

То был запах смерти.

Я шагнул в комнату. Окна в ней были плотно завешены гардинами. За ними бился солнечный летний вечер, но здесь царила полутьма. Мой взгляд – который не хотел сразу видеть главное, сопротивлялся ему – выхватил обыденную обстановку скромного столичного жилья: панель телевизора на стене, диван-кровать в собранном виде, платяной шкаф, полочку с безделушками. А посреди комнаты сидел на стуле мужик – голый, в одних трусах. Ноги его были скотчем прикручены к ножкам. Руки заведены назад и тоже связаны лентой. Скотч закрывал рот. Голова мужика была запрокинута. Был он очевидно мертв.

Мужик был очень толстый и волосатый. На его теле выделялось несколько порезов. Похоже, мужчину пытали. А потом убили. Я на всякий случай пощупал пульс на его шее – пульса не оказалось. Судя по начавшемуся трупному окоченению, убили мужчину больше часа назад.

На полочке у телевизора имелись пара книг, дешевые сувенирчики, включая Эйфелеву башню и кружку с надписью: Red Sea, а также несколько фотографий в рамке. Все они обыгрывали один и тот же сюжет: улыбающаяся парочка на фоне разнообразных достопримечательностей. Парочка была одна и та же, и мужчина на ней был тот самый, сидящий мертвый у моих ног. На первой, где позировали на фоне все той же башни имени Эйфеля, он был молодой, веселый и совсем не толстый. Девушка рядом с ним, которая ласково обнимала его за талию, тоже была молода, эффектна и очень-очень сексуальна.

Следующее фото демонстрировало все ту же пару в купальных костюмах, на фоне моря и пустыни – где-то, видимо, в Хургаде или Шарм-эль-Шейхе. Он уже слегка расширился, что было особенно заметно без верхней одежды, а она по-прежнему оставалась худой, свеженькой и секси. Наконец, третья карточка запечатлела супругов во времена зрелости. Сняты они были на Исаакиевской площади, на фоне собора, в зимней одежде – однако даже тулуп не скрывал того, насколько мужчина раздался вширь. Девушка тоже слегка округлилась, однако оставалась на вид прежней великолепной бестией. Отчего-то я ни

секунды не сомневался, что это она, мой объект, Алена Румянцева.

Недолго думая, я взял последнее изображение и прямо в рамке сунул в карман своей куртки. Потом заглянул в кухню. Там, под лучами закатного солнца, на столе кривая пепельница с окурками, на полу валялись пустые бутылки из-под пива, а одна, недопитая, помещалась отчего-то на подоконнике.

Возможно, хозяин квартиры стоял у окна с пивом в руках и напряженно вглядывался в даль: не возвращается ли к нему его любимая?

А вместо нее пришли убийцы.

Впрочем, может, я фантазирую, и дело было совсем не так.

Версия 3.

Алене Румянцевой опостылел муж. Ох, как опостылел! Настолько, что она обратилась к наемным убийцам. А сама свалила куда-нибудь на курорт, одна или с любовником – другим, не Вячеславом. Свалила, чтобы обеспечить себе надежное алиби. Замечательно: она вне подозрений, мужа больше нет, квартира и разное прочее барахлишко целиком достается ей.

Непонятно, правда, зачем убийцам пытаться несчастного Зюзина. Но, может, имел место эксцесс исполнителя? А может, Евгений и вправду имел что-то ценное или знал о чем-то ценном, и они добивались у него, где?

Впрочем, нечего мне было здесь, в комнате с трупом, предаваться раздумьям. Следовало поскорей уносить ноги.

Я вышел из квартиры, прикрыл за собой дверь. Запирать не стал – да и чем я мог запереть, ключа-то не было. Так же поступил с дверью, ведущей к лифтам.

Механически глянул на часы. Было всего двадцать часов двадцать восемь минут. С момента, как я вошел в подъезд, не прошло и четверти часа.

Я вызвал лифт. Камеры видеонаблюдения (которыми в последнее время напичкан жилой сектор) внутри его не было.

Я спустился вниз. По пути мне никто не встретился, даже странно, самое время, чтобы возвращаться домой с работы.

Внизу, под козырьком подъезда, видеокамера имелась. Но я давно уже летом хожу в бейсболке. Не то чтобы от чего-то скрываюсь или чего-то опасаясь. Просто удобно, солнце глаза не слепит. Да и красиво – хотя Римка в ту короткую эпоху, что мы были вместе, подсмеивалась, что в ней я похож на вышедшего в тираж велосипедиста. В этот раз бейсболка по-настоящему пригодилась: говорят, с бытовой камеры лица под козырьком не разглядишь.

Когда я вернулся к машине, она успела раскалиться под вечерним солнцем – но меня почему-то стала пробирать дрожь. Я даже не сразу включил кондиционер.

Поразмыслив, я достал из кармана свой резервный, совершенно левый и нигде на меня не зарегистрированный телефон. Набрал номер старого друга Сани Перепелкина. Перепелкин – моя палочка-выручалочка на случай всяких стремных дел. Когда-то мы служили вместе в дивизии Дзержинского, потом учились в Высшей школе милиции и даже проработали пару лет бок о бок. Помню, нас тогда коллеги ласково кликали, в честь наших фамилий, «пернатými». Или даже обидно «красноперыми» (за что лично я сразу лез в драку). Однако нынче Перепелкина, думаю, так и близко не кличут. Он набрал большой вес. Теперь Саня полковник и имеет отдельный кабинет на Петровке.

Мы поприветствовали друг друга, а потом я рассказал ему о страшной находке, что сделал в квартире триста шестьдесят восемь дома *** по Люблинской улице.

– А ты-то там каким боком, Синичкин? – Я даже без скайпа или видеодфона видел, как начальственно нахмурился мой когдатошний товарищ.

– Да никаким, Саня, – простецки отвечивал я. – Просто в гости пришел.

– В гости! – ворчливо передразнил меня Перепелкин. – Ладно, поглядим.

Внутри машины я согрелся и вытащил из заднего кармана фотографию. На ней в объектив улыбались на заснеженной Исаакиевской площади безмятежные и ничего не подозревающие Евгений Зюзин и Алена (Елена) Румянцева.

Теперь Зюзин был мертв. А вот где была Алена? И в какую, блин, заваруху ввязал меня сегодняшний клиент Вячеслав?

Пора было у него спросить. Я отъехал километров на семь и остановился где-то на задворках Москвы-реки. Набрал номер своего клиента на том же левом мобильнике.

- Что за хрень?! - обрушился я на него.

- А что такое? И кто говорит?

- Говорит Павел, у которого ты сегодня днем был в офисе. А хрень заключается в том, что я сейчас был на адресе у твоей Алены и обнаружил там, знаешь кого? Мужа ее, Зюзина. Голого, привязанного к стулу и без признаков жизни. Это что за подстава?

В трубке повисла свинцовая пауза. Затем Вячеслав проговорил - голос у него был весьма озабоченный. И достаточно искренний.

- Паша, клянусь тебе! Я ничего не знал! Это ужас что такое!

- Да? Ужас? Скажи лучше: что ты мне не рассказал?

- Клянусь тебе! Все, как на духу!

- А кто заказчик поисков Алены - в действительности? Кто за тобой стоит?

- Я! Я один! Клянусь тебе, я!

Голос заказчика показался мне фальшивым, поэтому я проговорил:

- Давай-ка мы прекратим наше сотрудничество. Я верну аванс.

И тут он взмолился:

- Паша! Пожалуйста! Я прошу тебя! Не бросай дело! Найди мне Алену! Это так важно для меня!

- Имей в виду, теперь расследовать уход Зюзина в мир иной будут лучшие силы столичной полиции. Поэтому если ты хоть каким-то боком замешан – начинай сушить сухари.

- Клянусь тебе! Христом Богом! Я здесь совершенно ни при чем!

- Ладно. На первый раз поверю.

- И не бросай это дело, Паша! Пожалуйста, не бросай!

Я отключил связь, не прощаясь.

Что оставалось мне делать?

Я поехал домой, решив, что утро вечера мудренее и завтрашний день сам подскажет мне, что делать дальше.

* * *

Утром мудрости во мне не прибавилось, и я подумал, что, когда не знаешь, что предпринимать, лучшее решение – не предпринимать ничего. И предоставить событиям идти, как они идут.

Я отправился в офис и почти до самого вечера занимался другими делами. Римке о своем вчерашнем визите в квартиру с трупом ничего не рассказал. Зачем пугать девушку? К тому же я знал, что она мне скажет в ответ на известие об убийстве – протянет укоризненно, в коронном женском стиле: «Я ведь тебе говорила, не надо было с тем чуваком связываться!»

Римка мне доложила, что она пробралась в базы данных вылетающих из столицы авиакомпаний, а также РЖД. Пробыла по ним Елену Румянцеву, но та за

последнюю неделю ни на самолетах, ни на поездах зарегистрирована не была. Значит, залегла на дно где-то в Москве. А может, была убита. Или выбралась из города на машине. Или на электричке.

Я просмотрел сайты СМИ, но ни одно из изданий об убийстве мужчины в Марьине не известило. Вероятно, посчитали, что подобная «бытовуха» не в достаточной степени щекочет нервы обывателю. Или, быть может, мой друг полковник (или его подчиненные) почему-либо наложил вето на слив данной информации журналистам.

Ближе к восьми я подумал, что хороший маникюр только украшает мужчину. И надо действовать согласно заранее разработанному плану. Вдобавок «мастер ногтевого сервиса» по имени Зоя Шагина выглядела, во всяком случае на фотках в соцсетях, великолепно. И чем-то задела мое бедное сердце.

Поэтому я отправился на Чистые пруды. Пешком, то есть на метро. В центре столицы нынче мало того, что за парковку приходится изрядно платить – еще и места для нее не найдешь. В этом смысле наши власти добились своего. И любимая Москва по трудностям и дороговизне паркингов стремительно приближается к прочим мировым столицам. Или даже опережает их. Как и в стоимости продуктов, ресторанов и остальном уровне жизни.

В салоне «Кейт и Лео» все оказалось простенько, но со вкусом. То есть с намеком, что будет дорого. Администратор – видимо, та же, что и в телефоне, по имени Екатерина – усадила меня за столик, накрытый полотенцем. Спросила, что принести, чаю или кофе. Я попросил простой воды.

Откуда-то из недр салона вышла мастерица. Вежливо со мной поздоровалась. Выглядела она неплохо – даже лучше, чем на фото. Черноволосая, чуть за тридцать. Только очень и очень худенькая. Как девочка или подросток. За пазухой практически вообще ничего нет.

Девушка уселась за столик напротив меня. Спросила, первый ли раз я посещаю их салон.

– Больше того, первый раз в жизни делаю маникюр вообще.

Она улыбнулась: «Вам понравится». Улыбка у нее была очень хорошая.

- А я у вас тоже первый? В смысле, мужчина?

Она рассмеялась.

- Должна вас огорчить: нет.

- Какие мужчины вообще ходят делать маникюр? Артисты? Телеведущие?

- Далеко не только. Хирурги. Гинекологи. Стоматологи. Руководители самого разного ранга.

Она принесла пластиковую ванночку с теплой мыльной водой и погрузила в нее мою правую руку. Левую изучила, спросила:

- Срезаем коротко? Или оставляем длину?

- Давайте покороче, чтоб два раза не ходить.

Она рассмеялась моей незамысловатой шутке.

То, что мы сидели напротив, глаза в глаза и она держала в своих руках мои руки, создавало меж нами некое приятное сексуальное напряжение. А может, мне так только казалось – ведь она у меня была, как я честно признался, первая, а я у нее далеко не. Приятно бывает оказаться в руках опытной женщины.

Но все-таки я не забывал, что пришел сюда, скорее, по делу, и потому спросил:

- А почему Алена не работает?

- А вы к ней хотели?

- Да, много слышал.

- Она классный мастер.

– Так что с ней?

– Взяла короткий отпуск, – не моргнув глазом соврала Зоя.

– У нее что-то случилось?

– Почему случилось? – она оторвалась от моих рук и посмотрела мне прямо в лицо.

– Что-то я слышал разговоры... – соврал, в свою очередь, я. – Вроде пропала она.

Лицо у Зои дрогнуло, но она промолчала. Все время, пока мы обменивались репликами, она продолжала манипуляции с моими пальцами. Достала из запечатанного и словно пропеченного конверта щипчики и ножнички, стала аккуратно подстригать мне ногти. Чувствовалось, что она выполняет свою работу механически – примерно как я вожусь с массивами разнообразной информации. Разговаривать это ей не мешало.

– Вы дружили с Аленой? – продолжал я гнуть свою линию.

– А вы что, из полиции? – переспросила она.

– Лучше. Я частный сыщик.

– Вот как? – Может, мне показалось, но в ее глазу блеснул дополнительный интерес ко мне.

– Да, ко мне обратились с просьбой найти ее. И, открою вам тайну, это был не муж.

– Почему-то в этом вы меня не удивили.

– А что, – ухватился я, – Алена плохо со своим супругом жила?

– Не в том дело, просто не такой он человек, чтобы сразу бежать к частному детективу.

- А кто, по-вашему, мог искать вашу коллегу?
  - Тот, кто к вам обратился, тот и мог, - глянула она исподлобья и усмехнулась.
  - Да, был один тип. Уверял, что он ее любовник. У Алены вообще был любовник?
  - Мне она ничего не рассказывала. - Зоя потушила интерес, вспыхнувший было в ее глазах и склонила голову, сделав вид, что полностью сосредоточилась на моих ногтях.
  - Может, и не рассказывала. А как по вашим наблюдениям, был или нет?
  - Я ведь свечку не держала. Что я могла наблюдать?
  - О, многое! Женщины вообще очень наблюдательны! Вы видите гораздо больше, чем мы, слабый мужской пол. Например, Алена могла хвастаться дорогими подарками. Или вы могли слышать какие-то особенные разговоры по телефону. Или ее кто-то встречал после работы.
  - Встречать ведь многие люди могут. Совсем необязательно сразу любовник, - резонно заметила она. - Может, брат. А может, просто знакомый.
  - Если машина дешевая - тогда брат, - пошутил я. - А если «Мерседес» или «Феррари» - скорее, любовник.
  - Ну, «Феррари» там точно не было.
  - Значит, «мерс» был?
- И опять она ускользнула.
- Я в марках машин не особенно разбираюсь. - И перевела разговор на свою работу: - Как, полировать будем? Лаком покрывать?
  - Лаком? - делано ужаснулся я. - Красным?

Она засмеялась.

- Нет, бесцветным.

- Все равно не надо. И полировать не надо.

Тогда она выдавила на мои руки крем и начала по очереди массировать их, разминать. Ей-ей, в этом было что-то сексуальное. И сеанс маникюра, оказывается, создает между мужчиной и женщиной определенную связь, что ли. Или это мне только казалось - на новенького?

- Вы, наверное, заканчиваете свою смену? - спросил я.

- Да, на сегодня все.

- Я провожу вас?

- Я замужем.

- Кольцо вы не носите.

- А вы наблюдательны, частный детектив! - расхохоталась она. - Кольцо мешает работать.

- Я подожду вас.

- У вас «Феррари» или «Лексус»? - опять смешливо спросила она.

- В московских пробках даже «Феррари» не поможет.

- Все понятно, - делано вздохнула она. - Опять мне тащиться до метро пешком.

Я воспринял эту реплику как знак согласия. Расплатился у стойки и вышел на вольный воздух. Знакомство с Зоей и маникюр привели меня в хорошее расположение духа. Интересно, подумал я, что завтра скажет по поводу моих обновленных ногтей Римка? Наверняка ведь заметит - девушки вообще все

замечают. Особенно если это касается мужчин. И особенно – их бывших.

Я и предположить тогда не мог, что у меня не окажется случая покрасоваться перед ней. И увидимся мы еще очень и очень нескоро.

А в тот вечер смеркалось, но было еще светло. Мимо меня проходили люди – напряженные и суровые, какими обычно бывают москвичи. Наконец появилась Зоя. Она переделалась, сменив белую, почти медицинскую робу с бейджиком на веселый ситчик в духе «ню лук». В гражданском худоба ее оказалась не столь заметной.

– Куда идем? «Китай-город»? «Мясницкая»? Ресторан?

– Прогуляемся до «Театральной», – ответила девушка и взяла меня под руку. Что-то мне казалось, что ее разговоры про мужа были враньем. – А вы правда частный детектив?

– Хотите, удостоверение покажу? Или визитку?

– Визитку, да и удостоверение, любой напечатать может.

– Тогда расскажу пару случаев из практики.

– Давайте.

Я поведал про то, как меня пытали бандиты олигарха Барсинского, а потом как я раскрыл интригу вокруг певицы Мишель и завещания бывшего сотрудника ЦК КПСС Васнецова[1 - Более подробно об этом можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Проигравший получает все» и «Бойся своих желаний»]. Затем перевел разговор на пропавшую Алену Румянцеву и ее возможных любовников. В то, что пропавшая водила шашни с провинциальным Вячеславом, мне по-прежнему верилось с трудом. Зоя вздохнула.

– На самом деле ничего я не знаю. Мы с Аленой были мало знакомы. Когда пересекались на работе, иногда болтали – ни о чем. А во внутренний свой мир она никого не пускала. Да, на мужа, я слышала, жаловалась.

- Что говорила?
- Выпивает. Зарабатывает мало. Ни к чему не стремится.
- Мог он ее на тот свет отправить?
- Ну, вы и фантазер!
- А она его?
- Еще хлеще выдумали!
- А есть у Алены другие подруги? В салоне или где-то еще?
- Была у нее одна, зовут Кристина. Знакомая не по работе, они с ней еще в школе учились, где-то на Дальнем Востоке, и в свое время покорять Москву приехали. Алена часто говорила: Кристи то, Кристи се. Но где эта Кристина работает, или живет, или какой у нее телефон, я не знаю.
- А соцсети? Вы с Аленой дружили?
- Нет, мне особо некогда в соцсетях зависать.
- А то, что Алена пару месяцев назад все свои аккаунты уничтожила, знаете?
- Вот как? Первый раз слышу... Видите, я не сильно помогла вашему расследованию. Зря провожать вызвался?
- Нет, ключевое слово здесь – «провожать», а не «расследование». Иными словами, мне приятно с тобой находиться. И давай на «ты»?
- Давай.
- Поцелуемся?

– Ты очень шустрый, как я гляжу, сыщик Паша! Еще даже девушку выпить не угостил, а туда же. Кто на сухую брудершафт пьет?

– Так зайдем? Вот и бар напротив.

– Э, нет-нет, я говорю: меня дома ждут. – Теперь прозвучало безличное: просто «ждут», а не «муж».

Мы прошли по очень красивой в начале лета Москве: бульвару, потом переулкам, Архангельскому и Киривоколенному. Затем вырулили на Мясницкую. Проследовали длинным, как кишка, подземным переходом под Лубянской. Потом прогулялись по Никольской и Третьяковскому проезду. Наконец, у входа на «Театральную» она протянула мне руку:

– До свиданья, Павел. Спасибо, что проводил.

– Готов и дальше.

– Ну, нет. Такие жертвы мне не нужны.

Я не стал спрашивать номер ее телефона. Почему-то мне казалось, что судьба сама нас сведет. И, возможно, даже не далее, чем сегодня.

Сам не зная, почему и зачем, я скрытно устремился вслед за Зоей. Она вошла в вестибюль и отправилась на тот эскалатор, что спускает на станцию «Театральная». Я отправился за ней.

Вечерний час пик схлынул, но народу было еще много – как раз столько, чтобы и остаться незамеченным, и не потерять свой объект из виду. На станции, правда, заворачивались водовороты из разнонаправленных потоков – иные, как Зоя, отправлялись после работы в свои окраинные районы, другие, более веселые, шли навстречу, к центральным ресторанам и другим развлечениям. Я едва не потерял ее из виду, но потом заметил: девушка проследовала к поездам, что ведут на юг.

Я успел вскочить в соседний с ней вагон. Хорошо видел ее через стеклянные окна. Зоя села и достала из сумочки книжку в мягкой обложке. Надо же,

удивительно: бумажную книгу – нынче все в основном (я не исключение) прячутся в гаджеты.

Поезд все дальше и дальше уносился от центра, а девушка и не думала выходить. «Автозаводская», «Технопарк», «Коломенская»... Она все сидела и читала. Засобиралась к выходу только на предпоследней, «Красногвардейской». Подумать только, я родился и вырос в Москве, но в том районе, куда прибыла она, сроду не был!

На платформе людей оказалось немного, и мне пришлось выдерживать дистанцию, чтобы остаться незамеченным.

Станция «Красногвардейская», как говорят метрополитеновцы, мелкого залегания, и я по ступенькам поспешил за Зоей. Наконец, она вышла на поверхность. Здесь совсем стемнело. Засветились оконца семнадцатизэтажных домов-монстров – совсем таких же, как тот, где я вчера обнаружил труп Алениного мужа.

Народ толпился на остановках автобусов и маршруток. Хвала Создателю, мой объект не остался ждать общественный транспорт. И, ура, Зою никто не встречал. Она отправилась пешком вверх по улице. Я последовал за ней. Если бы меня вдруг спросили, зачем я это делаю, я бы не нашелся, что ответить. Тем более, если бы вдруг спросила Римка.

Летний день угас, однако оставил после себя некое свечение, пародию на белую ночь, поэтому фигуры и силуэты были хорошо различимы. Я следовал за Зоей метрах в тридцати и оставался, как мне казалось, невидимым ею. Думаю, она жила неподалеку – ведь вряд ли девушка нынче решится на долгую прогулку по ночной окраинной Москве.

Мы миновали первый семнадцатизэтажный дом – он располагался несколько в глубине от проезжей части. Подошли ко второму. Порядок следования оставался прежним: Зоя впереди, я чуть поодаль.

К следующей многоэтажке вел внутридомовой проезд, перпендикулярный тротуару, по которому мы шли. Туда и намеревалась свернуть Зоя.

Как принято у нас в Москве, весь проезд по своей длине был впритирку уставлен автомобилями. И среди них я увидел серую «Нексию». Ничего необычного – однако, едва девушка повернула в проезд, оттуда вылезли две мощные мужские фигуры. И направились в сторону моей подопечной.

– Зоя, стой! Назад! – крикнул я что есть мочи.

Девушка думала недолго – какие-то доли секунды. Она развернулась и бросилась в мою сторону. Мужики устремились за ней, а я кинулся навстречу.

Но они изначально были к ней гораздо ближе, чем я, – поэтому первый настиг ее и схватил за шею сгибом локтя. Подбежал второй. Они потянули девушку назад, к своей машине. Странно, но она молчала, не издавала ни звука, как партизанка.

Но тут всех троих догнал я. Недолго думая, прыгнул и засветил первому, который держал Зою за шею, ногой прямо в затылок. Когда-то в школе милиции я был хорош насчет боевого самбо. И хоть этим видом давно не занимался, все больше айкидо, но навыки, оказывается, сохранились. Голова первого жлоба мотнулась. Он выпустил девушку и беззвучно осел на тротуар.

Зато второй оглянулся, увидел меня, ощерился, вытащил из внутреннего кармана финку-выкидушку и пошел на меня. Я двинулся на него, Зоя стояла рядом в некотором ступоре.

Бандит сделал выпад ножом – я парировал его предплечьем, но не совсем чисто, поэтому лезвие чиркнуло мне по руке. Однако его руку мне перехватить удалось. Я вывернул ее, нажал на костяшки. Раздался крик боли, и нож вывалился на землю. Не жалея врага, я, выкручивая руку, уложил его наземь, а потом ударил носком в висок. Раздался страшный крик.

– Бегом! – Я схватил Зою за руку и потянул назад, к метро, где было светло и полно людей.

– Нет, сюда! – она повлекла меня по междворовому проезду в сторону дома.

Мы пронеслись мимо «Нексии» с распахнутыми дверцами. Я машинально запомнил номер.

На моей руке, которую задел своей финкой первый амбал, проступила кровь. Я зажал ее левой рукой.

Мы с Зоей оббежали дом и оказались со стороны подъездов. Никто нас не преследовал. Она открыла своим ключом дверь в первый же подъезд. Мы ворвались в холл и кинулись к лифту.

Зоя нажала кнопку последнего, семнадцатого этажа. Пока подъемник возносил нас, с моей руки на пол упала пара капель крови.

- Как ты? - спросила Зоя, глядя на меня снизу вверх.

- Ерунда, просто царапина. А ты?

- Дышу, как видишь. Но синяки от его ручищ будут.

Лестничная площадка была точь-в-точь такая, как вчерашняя, в доме Зюзина - Румянцевой.

Зоя открыла ключом бронированную дверь. Аналогичный холл, заваленный всяким барахлом. Только жила девушка не в однокомнатной квартире, а в другой - как впоследствии оказалось, двухкомнатной.

- Подожди, не зажигай свет, - сказал я, когда мы вошли. - Есть окна, которые выходят на улицу?

Она показала, и я двинулся на кухню.

С высоты было хорошо видно поле битвы. Сперва очухался тот, кого я ударил первым. Заворочался, поднялся, подошел к распростертому на земле второму. К ним приблизился сердобольный прохожий, что-то спросил - однако был, судя по дальнейшей мизансцене, немедленно послан. Наконец, с помощью первого встал второй. Он придерживал свою правую руку левой и, судя по его незакрывающемуся рту, орал и ругался. Вдвоем они ретировались к машине. Самой «Нексии» не было видно из-за разросшихся деревьев, однако спустя минуты три машина вырулила из проезда и унеслась вверх по улице.

В темноте я чувствовал рядом с собой у окна легкое, но учащенное дыхание Зои.

- Включай, - скомандовал я.

Она отошла и зажгла свет.

От моей раненой руки на подоконнике и на полу образовалось несколько кровавых пятен.

- Ну-ка, пойдём, - приказала девушка и отвела меня в ванную. Там у нее имелась аптечка - в точности, как где-нибудь в американском доме. Она смыла кровь. Порез оказался длинным, но неглубоким.

- Надо вызвать «Скорую», - неуверенно промолвила она. - Зашить рану.

- Ни в коем случае. Обойдусь. Шрамы украшают мужчину.

Она обработала мне рану каким-то антисептиком, потом наложила бактерицидный лейкопластырь и забинтовала. Движения ее были ловкими и сноровистыми - примерно, как тогда, когда она делала мне маникюр.

- А ты прямо патентованная санитарка, - похвалил я.

Но тут глаза ее внезапно, несоразмерно с обстоятельствами, повлажнели, и она всхлипнула.

- Иди отсюда, - толкнула она меня рукой в грудь. - Пойди, поставь чайник.

Пользуясь случаем, пока Зоя пребывала в ванной, я бегло осмотрел ее квартиру. Мужчиной здесь и не пахло - в прямом и в переносном смысле. Зато имелись следы присутствия мальчика - судя по его всюду расставленным фотографиям. Фотографии были вместе с мамой и соломой. Мальчишечка был худенький, как и Зоя (даже странно, как ей удалось его родить и не раздаться), с очень сильными очками и немножко странный. На карточках с мамой он жался к ее ноге и чуть ни прятался за юбкой. Судя по тому, что в детской висел постер с «Сердитыми птицами», парню было лет восемь или десять - я плохо разбираюсь в детском возрасте.

Я также обревизовал содержимое Зоиной сумочки. Она оказалась той, за кого себя выдавала: Зоя Шагина, 19*** года рождения, прописана в Москве, на улице Мусы Джалиля, в доме номер ***, квартире шестьдесят восемь. То есть конкретно здесь, где мы находились. Брак с каким-то там Богданом Шагиным расторгнут четыре года назад, имеется сын Артем 20*** года рождения. Значит, ей тридцать семь – а что, хорошо сохранилась, я думал, она моложе. И сынишке, стало быть, девять.

Я наполнил чайник из крана и поставил на конфорку. И только когда он засвистел, из ванной комнаты появилась Зоя. Глаза и носик ее были покрасневшими. Она глубоко вздохнула и молвила:

– Ужасно хочу есть. – Потом обратила внимание, что на спинке стула валяется забытый с утра халатик, слегка покраснела нижней частью щек и шеи – она вообще краснела чрезвычайно легко – и сказала: – Ой, извини меня за беспорядок. Я не ждала гостей. – Схватила халатик и умчалась в недра квартиры. – Отсутствовала долго – видимо, прибиралась, затем вернулась, залезла в холодильник. – Есть котлеты с макаронами. Борщ. Ты что будешь?

– Кофе.

– Да? Слушай, Паша, а давай маленько выпьем, а? У меня тут водочка имеется початая. Слегка, с устатку и от стресса. Хочешь, соком разбавим или колой.

– Можно.

Мы махнули, и Зоя довольно споро стала сервировать стол.

– Для борща и впрямь поздновато, а от котлеток моих не отказывайся. Не из какого-нибудь фарша покупного, я сама верчу и, как положено, половину говядины кладу, половину свинины. Иные еще баранину добавляют, но я считаю, это уже загиб. Слишком хорошо, как говорят, тоже плохо.

Я видел, что – очевидно, как реакция на стресс, – ею овладела болтливость. Хотелось бы это использовать в своих, детективных целях – но меня, тоже, видимо, как следствие поединка с бандитами, захватило противоположное чувство: полная апатия.

– Я разбавленную пью, с колой. Как говорил мой бывший муж, когда с пузырьками, хорошо по шарам ударяет, быстро.

Она махнула своего коктейля, я пригубил чистой водки, поковырял вилкой котлету. Вяло спросил:

– Как ты думаешь, кто это был?

Глаза ее вновь стали наполняться слезами.

– Понятия не имею.

– Врагов у тебя нет?

– Чтобы вот так хватать вдруг – нет.

– Угроз не получала?

– Нет вроде.

– Как считаешь, это нападение с пропавшей Аленой может быть связано?

– А что еще остается думать?!

– Наверное, ты знаешь, куда она делась. Или где скрывается.

– Понятия ни малейшего не имею!

По глазам ее и по лицу я видел, что она, несомненно, говорит правду.

– Но эти придурки, что тебя хватали, видимо, полагают иначе, – заметил я. – Может, ты все-таки мне расскажешь, что о Румянцевой знаешь?

– Да не знаю я ничего такого!

- Нет-нет, давай-ка ты вспоминай: родители ее, друзья, любовники – где она может быть?

- Слушай, я тебе, по-моему, все уже говорила: Алена откуда-то с Дальнего Востока – причем не из Владивостока или Хабаровска, а из какой-то вообще, извини, перди: город, кажется, Черногрязск называется. Приехала покорять Москву в начале нулевых. Ну, вот, покорила. Муж, квартира.

- Мужа ее вчера убили, – бухнул я. Причем бухнул не случайно: хотел, чтобы девушка в дальнейшем последовала моему совету, а этого легче всего добиться через испуг – если она еще не в достаточной степени испугалась.

Зоя на секунду замерла, и ее пробрала дрожь.

- Убили? – переспросила она. – Зюзина?

- Вот видишь, ты даже знаешь его фамилию. А труп его я вчера сам видел. И знаешь, практика показывает: в современной жизни взрослые женщины просто так, вдруг не исчезают. Наверняка тут замешан любовник. Вот я и спрашиваю: ты ее любовника знала? Кто он?

- Понятия не имею ни малейшего!

- А эти парни, что на нас напали, почему-то считают по-другому.

- Не знаю я, с чего они могли это взять! Никогда я близкой к Алене не была.

- И все равно: тебе сейчас лучше исчезнуть.

- Зачем? Почему? Куда?

- Видишь, какой ты интерес вызываешь у отморозков? А если они вновь повторят свою попытку? А меня рядом не будет? Давай, возьми отпуск и свали куда-нибудь. Когда все с Аленой выяснится или я ситуацию разрулю, я тебе позвоню.

- Куда ж мне деваться?

- Это тебе видней.

- Темка мой у бабушки, это свекровь, мать бывшего мужа. В деревне. Но мне как-то к ней неловко.

- Очень даже ловко. У свекрови, даже бывшей, вряд ли тебя кто-то искать будет.

- Да? Я подумаю.

- Не «подумаю», а надо рвать когти. Прямо завтра утром. А лучше - немедленно. Я провожу тебя до вокзала.

- Ой, свекруха моя в Костромской области проживает, сейчас поздно, все сегодняшние поезда уже ушли. Только завтра. Вдобавок на завтра у меня - полная записка.

- Что это значит?

- Клиентов полно. Неудобно подводить.

- Да? Неудобно? А если что с тобой случится - удобно будет? В общем, как знаешь. Жизнь твоя, тебе видней. Смотри, Тема может без матери остаться. Довольно легко. Ладно, я поеду, пожалуй.

- Может, останешься?

- Это ни к чему. Только не открывай никому. И телефон рядом держи.

- Ты кофе не выпил - а ведь хотел.

- Нет, я передумал, поздновато для кофе. Спасибо за ужин.

Я встал и вышел в коридор. Зоя проследовала за мной.

- Запрись за мной на все засовы.

– Мне будет страшно без тебя, – проговорила она и сделала шаг, как бы приныкая к моему торсу.

Конечно, она была секси – маленькая, худенькая, большеглазая, – однако ничего, кроме возбуждения, я по отношению к ней не испытывал. А этого с некоторых пор было для меня маловато, чтобы завязывать отношения.

Я взял ее за худенькое плечо, слегка потрепал и отстранил.

– Пока.

* * *

Я вышел из подъезда Зои. Никто меня не ждал, не подкарауливал.

Я вызвал через Интернет такси. Было уже начало первого, и большинство окон в доме погасли. Толстый мужик, прямо в шортиках и в комнатных тапках, выгуливал таксу – по-простому, по-домашнему.

Я вышел со двора на улицу и набрал номер моего заказчика, Вячеслава.

Он ответил сонным голосом. Я припечатал его матерной тирадой.

Вообще-то я не люблю мат и применяю его в общении крайне редко, лишь в самых экстремальных ситуациях – но, по-моему, сейчас был тот самый случай.

– Что случилось? – пробормотал мой клиент испуганно.

– Вчера на квартире я наткнулся на мертвое тело, а сегодня на меня и на мою подопечную, коллегу Алены, напали два бугая. Все, Слава, с меня хватит. Давай, приезжай прямо завтра ко мне в офис, я верну аванс, и забудем о существовании друг друга навсегда.

– Прошу тебя, Павел! Это какое-то недоразумение. Я понятия не имею, что происходит. Пожалуйста, я хочу, чтоб ты продолжал на меня работать!

– Послушай, Слава. Если ты не объяснишь мне, что творится, – я немедленно, через минуту, тебя сдам. Свяжу тебя и со вчерашним телом на адресе у Алены, и с сегодняшним нападением. Знакомства в столичной полиции у меня имеются, и на самом хорошем уровне. Готовься к неприятностям.

– Паша, – взмолился он, – меня сейчас нет в Москве, – тем самым он подтвердил мою догадку, что он провинциал. – Я специально приеду, прямо завтра, и давай встретимся, все обсудим и обо всем договоримся. Прошу тебя! Я все объясню.

Рядом со мной остановилось такси. Я здесь был один такой, на окраинной улице Мусы Джалиля, кто собирался и мог куда-то ехать. Я сделал шоферу знак, чтоб он подождал. А Слава в трубке, видимо, взбодренный моим молчанием, продолжал:

– Я остановлюсь в гостинице «Имперская», это на улице Большая Никитская, дом ***. За мной там постоянный номер. Приезжай прямо ко мне, часам к одиннадцати, поднимайся, посидим, поговорим. Я тебе все объясню, что происходит, – точнее, как я ситуацию понимаю.

– Расписку мою не забудь, – буркнул я и нажал на «отбой».

Я сел в такси и сказал шоферу свой домашний адрес.

* * *

Наутро, после бритья, кофе и душа, мне предстояло выполнить нехарактерную для моего утра процедуру: стать самому себе санитаром. Я отлепил пластырь, что вчера приклеила мне Зоя, и заменил его новым. Чтобы не блистать своей раной, надел рубашку с длинным рукавом.

В этот день я решил передвигаться на колесах – слишком много мест в разных концах города предстояло посетить, на общественном транспорте не поспеешь. Сел в свой джип «БМВ» и понял, что за день без него соскучился.

У частного сыщика одна из главных задач – не выделяться из толпы. Автомобиль детектива тоже должен сливаться с потоком. В полном соответствии с этим требованием некогда я колесил на «восьмерке», потом купил себе седан «Рено».

Однако года три назад благосостояние столичных людей повысилось настолько, что на наших улицах стал органичен внедорожник – «бэха». Вдобавок он вселяет уважение в соседей по потоку.

Мой черный монстр радостно заурчал, и я ответил ему взаимностью: включил скоростной режим и понесся от светофора к светофору, обгоняя всех.

Без четверти десять я взял ключи на вахте НИИ и поднялся в свой офис. Римка еще не пришла – да она сроду раньше одиннадцати не появлялась. Я оставил ей записку с номерами вчерашней «Нексии» и просьбой пробить ее по нашим левым базам. Затем достал из сейфа аванс, что мне дал позавчера Вячеслав. Верну ему целиком, решил я, до копейки. Мое рабочее время, нервы и бензин, истраченные на дело, не стоят тех неприятностей, которые, как я чувствовал, оно способно принести.

Затем я снова сдал ключи на вахту и отправился в центр Москвы. То, что я скоро развяжусь с этим мутным делом и не менее мутным Вячеславом, наполняло меня радостью.

Без четверти одиннадцать я оказался в районе Никитской и еще минут десять потратил, чтобы отыскать место на парковке. В итоге обрел его только на Вспольном переулке и отправился к месту встречи пешком.

Гостиница оказалась из новых, маленькая и уютная. Девушка-портье меня поприветствовала настолько радостно, словно я был ее братом, нашедшимся после многолетней разлуки.

– Я к Вячеславу, – сказал я и сообразил, что даже не знаю его фамилии.

– Вы Павел?

– Да.

– Проходите, пожалуйста, он ждет вас, номер двести третий. Вот сюда, по лестнице на второй этаж.

– Лифта нет? – буркнул я. Меня утомляла подобная заданная и заученная лучезарность.

– К сожалению, нет, – закручинилась рецепционистка. – У нас традиционная гостиница, старый фонд.

– Зря.

Я поднялся по лестнице. Гостиница и впрямь оказалась небольшой – на этаже только шесть номеров. Я подошел к комнате номер двести три – и меня охватило чувство, похожее на дежавю. Потому что дверь номера была приоткрыта.

Я толкнул дверь носком своих мокасин – она распахнулась. Номер оказался люксом или полулюксом – в общем, как говорят отельеры, улучшенный. С порога я видел только дверь в ванную, телевизор на стене и под ним письменный стол.

– Эгей! – негромко окликнул я. – Вячеслав!

Молчание было мне ответом. Наверное, я совершал ошибку – любопытство, как известно, сгубило даже кошку, – но я вошел внутрь. Снова, как позавчера в Марьине, достал из кармана бумажный носовой платок, обернул им руку и захлопнул за собой дверь. Я сделал несколько шагов в глубь комнаты, и передо мной открылось все ее убранство: широкая заправленная постель размера «кинг сайз», две тумбочки с красивыми лампами, а выше – картина полуэротического содержания. Номер дышал солидностью и спокойствием. В таком жить бы да радоваться – но не моему заказчику Вячеславу.

Его больше обрадовать не могло ничто.

Он, одетый в стиле «кэжуэл» – цветастая рубашка, белые брюки, – лежал на полу, частично привалившись спиной к кровати, и во лбу его красовалась маленькая круглая дырочка – пулевое отверстие. Можно было даже не слушать дыхание и не щупать пульс – Вячеслав был совершенно, непоправимо мертв.

Тут в коридоре раздались голоса. Я замер. Две мысли пронеслись у меня в голове. Первая – очевидная: «Моего заказчика убили». И вторая – тоже не бог весть что: «Его убили так, чтоб подставить меня».

В этот момент на письменном столе зазвонил гостиничный телефон. Я вздрогнул. Что-то мешало мне ответить: «Вячеслав подойти не может, потому что он мертв» – хотя это, возможно, было наиболее разумным решением. Равно как и другое, аналогичное: подождать, пока телефон отзвонит, самому набрать номер портье и сказать о страшной находке внутри номера. Телефон смолк, но я к нему не двинулся.

Мне подумалось, что где-то здесь, внутри комнаты, имеется моя расписка в том, что позавчера я получил от хозяина номера кругленькую сумму. Однако искать ее мне сейчас было бы весьма странно. Зато прямо на письменном столе, у стационарного телефона, лежал другой аппарат, мобильный. Не иначе, хозяина номера. Не знаю, зачем – наверное, чтобы хоть отчасти развеять туман вокруг личности Вячеслава и его задания, – я сделал неразумное и непозволительное: взял мобильник и сунул его в карман.

И тут в дверь номера забарабанили – отчетливо, по-хозяйски. Я не стал открывать дверь и не ответил. С момента, как я вошел сюда, меня подгонял не разум и даже не чувства. Скорее инстинкты. Теперь главным из них оказался один: бежать.

Я подошел к окну и распахнул его. Вспрыгнул на подоконник. Никитская подо мною была во все стороны практически пуста, только у мусорного бака копошился аккуратно одетый дворник. Неспешно проплывали машины – все больше недешевые лимузины. Ни на гостиницу, ни на меня в окне никто внимания не обращал.

И тогда я собрался и прыгнул вниз. Удар о тротуар оказался сильнее, чем я рассчитывал, – но я сразу понял, что ничего себе не сломал. Как учили, я упал вперед, на плечо и на бок, перекатился и встал. Бейсболка слетела с моей головы, я поднял ее, отряхнул и надел на голову.

Откуда-то со стороны Манежа раздался вой полицейской сирены. Он приближался.

Я пошел по Никитской в сторону Вспольного, где была припаркована моя машина. Быстро, по-деловому, но ни в коем случае не суетливо и не бегом.

Я понимал, что здорово влип, но пока не мог сообразить, как мне из сложившейся ситуации выпутываться.

Алена Румянцева.

Годом ранее

На следующий день, когда Алена Румянцева вышла с работы с черного хода салона и отправилась в сторону метро, ее встретил давешний знакомый – Андрей.

– Сюрприз, – сказал он и протянул огромный, словно свадебный, торт и безвкусный букет цветов. Но муж Зюзин ей не дарил цветы уже... Да трудно вспомнить, когда в последний раз и дарил.

– Как ты узнал, где я работаю? – удивилась она.

– Птичка в ухо насвистела, – он взял ее под руку – цепко, словно правонарушителя. Повлек к машине. – Поедем, поужинаем.

– Я говорила тебе, я замужем.

– Ничего страшного, муж твой монтирует сегодня сигнализацию в особняке в дальнем Подмосковье. Пока управится, пока потом в Москву вернется...

– Ты меня пугаешь, – искренне сказала она.

– Чем? – хохотнул Андрей.

– Откуда ты все знаешь?

– Я говорю: работа такая.

Он повез ее в ресторан не первой руки, но и не в шалман какой-нибудь. Все было мило, вежливо, вкусно. Обслуга приветствовала Андрея с подобострастием. Он

прямо-таки заставил ее выпить два больших коктейля, да и сам налегал на виски, несмотря на то что был за рулем. Последнее обстоятельство, даже в большей степени, чем его всеведение, доказало Алене, что он и впрямь имеет отношение к правоохранительным органам. У них, как известно, свой свояка видит издалека и рука руку моет.

Довольно пьяненькую, он повез ее домой в Марьино. Правой рукой гладил ее бедро, на светофорах целовал в губы и шею. Алене это доставляло сладкую, греховную, но радость. Ничего подобного она так давно не чувствовала с мужем!

Не доезжая до ее дома, он остановил машину в глухом месте на набережной Москвы-реки. Они долго и сладко целовались, но потом Андрей сказал:

– Что мы как подростки американские! Все должно быть красиво. – Перестал приставать и повез к ее дому.

Она пришла раскрасневшаяся, растрепанная, с огромным букетом – а муж ничего и не заметил. Только про цветы спросил. Она, особенно не стараясь, наврала, что клиент подарил, чрезвычайно впечатленный ее работой, – а Зюзин подобным, шитым на живую нитку, враньем легко удовлетворился.

Потом Андрея не было целую неделю, и Румянцева уже начала недоумевать, злиться и спрашивать себя, что с ней не так или что она сделала неправильно. А потом он вдруг возник и не стал ничего объяснять. Это, впрочем, было в его манере: никогда ничего не объяснять, тем более не оправдываться и никогда ни перед кем не извиняться. Редкостная уверенность в себе – но это в нем и привлекало.

В этот раз он был без машины и сказал: «Пойдем в гости к моему другу». Друг, оказалось, живет недалеко, на Сретенке, в хрущевской башне, чудом затесавшейся среди старорежимных особнячков. Квартира друга, однокомнатная, с низкими потолками, была, впрочем, довольно стильно превращена в современную студию с кремовыми стенами, зеркалами и кроватью, заправленной алым покрывалом. Стол был застелен белоснежной скатертью, уставлен яствами и накрыт на двоих. Оставалось только свечи зажечь и «Моет» откупорить.

– А где твой друг? – с ехидцей спросила Алена.

– Он улетел, но обещал вернуться, – усмехнулся Андрей, процитировав старый советский мультфильм. – Прошу к столу!

Тогда и случилось то, к чему все и шло. Андрей, в отличие от Зюзина, в постели никогда ничего не просил, ее не добивался, и о партнерше ничуть не думал. Брал Алену – уверенно, жестко, нахрапом. Приказывал. А она – подчинялась. И – удивительно, с первого раза, безо всякой притирки – ей не пришлось изображать страстное наслаждение – наоборот, потребовалось сдерживать рвущийся изнутри крик, чтобы не беспокоить своими звуками других жителей панельной «хрущевки».

С тех пор и началась их связь.

О себе Андрей ничего не рассказывал, от Аленыных наводящих вопросов про его жизнь мастерски уходил.

Однажды, когда он был в душе, она обревизовала его карманы. Паспорта не нашла, но обнаружила удостоверение: действительно, капитан полиции Андрей Федорович Шаев. И больше никаких документов, даже прав не имеется. Но когда он вышел после водных процедур, отчего-то догадался, что она в его вещах копалась, сказал жестко:

– Еще раз так сделаешь, будет плохо.

Она попыталась сыграть дурочку:

– Что – «сделаешь»? Что, я не поняла?

Он не повелся, ответил, прямо глядя ей в лицо:

– Я тебя предупредил.

И этого оказалось достаточно, чтобы предотвратить дальнейшие ее попытки.

Встречались они обычно у «друга» на Сретенке (при этом никакого друга она в глаза не видывала). Андрей, как правило, водил Алену в рестораны – но тем

совместная культурная программа ограничивалась. Никаких театров, концертов, выставок и даже кино. А вскоре после того, как Алена попыталась обшарить карманы любовника в поисках информации, он расщедрился на объяснение:

– Формально я, как и ты, женат. Но вместе мы не живем. Разводимся. У нас есть сын. Школьник. Меня он не любит, не воспринимает. Не хочет общаться. Мать настроила. А я не настаиваю.

Муж Зюзин, возможно, что-то стал подозревать. Но ни разу ни словом не обвинил, не попросил объяснений. Она, правда, всегда возвращалась ночевать домой – но, с другой стороны, разве трудно догадаться, что к чему, когда супруга является часа в два ночи, слегка выпившая, покрасневшая, довольная? Разве трудно хотя бы спросить: «Ты где была?» Алене иной раз хотелось, чтобы это случилось. Чтобы состоялся скандал, объяснение. Чтобы ситуация как-то разрешилась. Но нет, в треугольнике «Зюзин – она – Андрей» все оставалось тихо, благопристойно.

Однажды в постели, когда они отвалились после особенно жарких объятий, она спросила любовника:

– Андрей, а чего ты хочешь? Ну, дальше?

Тот был в редкостно размякшем состоянии, поэтому перевернулся на живот, уставился ей в лицо и переспросил:

– А ты?

– А я... Ох, я бы хотела отсюда смотаться. Куда-нибудь, где тихо, чисто, тепло. Где море, песок, коктейли, нирвана.

– Смотаться? И что? Чем заниматься? Песок граблями ровнять на пляже? Пепельницы чужие опустошать? Или коготки кому-то стричь?

Она передернулась:

– Ну, нет! Жить тихо, спокойно, наслаждаться.

– А для этого деньги нужны. Много денег.

– Давай где-нибудь достанем. Ведь ты же умный. И «корочки» у тебя есть.

– Вдобавок мне, как сотруднику силовых структур, сейчас запрещен выезд за границу.

– Значит, понадобятся документы на чужое имя.

– Да, сушная ерунда, – он хмыкнул. – Чтобы до конца жизни ни в чем не нуждаться, требуется десять миллионов зелени – а лучше двадцать. И чистые паспорта.

– Прекрасная ведь цель, если разобраться, – промурлыкала она. – Но только при условии, если со мной будешь ты.

Однако дальше из этого разговора ничего не последовало. Она продолжала обманывать мужа, и они встречались с Андреем раз примерно в неделю, а то и в две – ему часто приходилось ездить в командировки (как он говорил). При этом инициатором свиданий всегда был он, а она начала временами тоскливо думать, что, может, придет, рано или поздно, момент, когда она ему надоест или сделает что-то не так, и он, без объяснений и ссор, просто навсегда исчезнет из ее жизни. Нет, нет, нет, Алена не хотела этого и готова была на все, лишь бы этого никогда не случилось.

Павел Синичкин.

Сейчас

Глубоко надвинув бейсболку, я двигался по Никитской в сторону Садового. Камер видеонаблюдения в этом районе, в километре от Кремля, явных и скрытых, было, хоть ложкой ешь. Они наверняка запечатлели, как я вхожу в отель, поднимаюсь на второй этаж в номер убитого, а затем выпадаю из него на улицу. Да и безо всяких камер улик против меня хватало. Приторная девушка-портье, например, которая спросила, Павел ли я, и указала мне на номер убиенного.

Поэтому в том, что сейчас я – подозреваемый номер один, сомнений у меня не было ни на грош. Другое дело, мне ли не знать, что полиция наша – структура инерционная. И до тех пор пока меня поставят в розыск, какое-то время у меня есть. И я хотел употребить его с максимальной пользой – прежде всего для себя и своих близких. И еще я понимал, что для того, чтобы снять с самого себя подозрение в убийстве Вячеслава, лучше всего было бы найти настоящих его убийц.

Вдобавок мне, конечно, следовало избавиться от вещей, которые легко выведут полицию на меня самого. Возле здания ТАСС, на пересечении с бульварами, я выкинул в урну свой телефон. Жаль, конечно, было расставаться с неновым, но рабочим и любимым айфоном – но свобода дороже. Хорошо еще, я не поленился и скопировал все контакты на свой второй, левый, не записанный на меня ни в каких базах, мобильник.

Еще у меня в кармане имелась убойная улика, неопровержимо связывающая меня с убийством в «Имперской», – трубка, которую я прихватил со стола. Крайне непрофессиональным и даже отчасти безумным действием было похищать ее! Однако именно телефон, свидетельствует моя практика, является в наше время наиболее надежным и полным хранителем данных о его владельце. А о личности Вячеслава, убитого сегодня утром, у меня до сих пор имелись в основном только догадки. Кто он и откуда? Что привело его ко мне? Кто за ним стоит? Надо думать, для начала следует попытаться ответить на эти вопросы, прежде чем задаваться другим, но основополагающим: кто и за что его убил?

Я не собирался долго хранить улику против себя самого, поэтому, выйдя на Спиридоновку, на ходу достал украденный аппарат. Слава богу, он был не защищен паролем. Я стал просматривать журнал вызовов. Последний отвеченный значился сегодня в 10.37 – за полчаса до того, как я вошел в номер и увидел труп. Звонивший идентифицировался как «Влад». Аватарки не было. Я посмотрел на номер Влада и постарался запомнить его. Телефон начинался с мобильного префикса, нехарактерного для столичного региона – а из какого, я на память не знал.

Версия 4.

Вполне могло быть, что Влад позвонил Вячеславу в 10.37 со словами: «Я здесь, рядом. Открой, я войду». А когда тот отпер комнату, вошел и пустил хозяину пулю в лоб.

Я стал откручивать звонки Вячеслава назад. Меня интересовал свой собственный. Да, вот он, здесь. Сегодня ночью, в 0.23. Вячеслав оказался аккуратистом, он, невзирая на наше недолгое знакомство, успел занести мой номер в свою базу: «Паша, частный сыщик». Мы закончили разговор за три минуты и пятьдесят пять секунд, и практически немедленно Вячеслав набрал номер человека, который значился как «Михаил Владимирович». Вместо аватарки у Михаила Владимировича имелось два мощных, жирных кулака. Оригинально. Разговор Вячеслава с ним длился тридцать пять секунд. И еще раз Михаил Владимирович звонил, в свою очередь, Вячеславу сегодня утром, в девять пятнадцать. Номер этого персонажа начинался с того же неопознанного мною префикса, что и телефон Влада.

Как ни жаль мне было расставаться со столь мощным источником информации, но на углу со Спиридоньевским переулком я протер его от своих отпечатков и выбросил в урну. Номера Михаила Владимировича и Влада прочно отпечатались у меня в мозгу. Когда-нибудь в более спокойное время я расскажу вам о своей системе запоминания, благодаря которой я умею быстро заучивать целые массивы данных. А пока намекну, что в ее основе лежит образность и ассоциативность.

На Вспольном переулке я нашел свою машину там, где оставил. Еще одна улика против меня – система паркоматов зафиксировала «БМВ» в часы убийства в пешей доступности от места, где оно случилось. Впрочем, улик против меня и без того хватало. Я подключил свой «левый» телефон к системе «свободные руки» и вырулил на Садовое.

Первый звонок – в офис.

– Да, Пашенька, – пропела Римка.

– Я просил пробить «Нексию». Ты узнала?

– Да, Пашенька.

– И?

– Владелец – гражданин семидесяти восьми лет. Установочные данные на него записывать будешь?

– Нет, спасибо. – Явно либо «Нексия», либо номера на ней были краденными.

На самом деле сейчас «Нексия» меня интересовала мало. Однако работа и вертикальная иерархия в нашей маленькой фирме – прежде всего. Да и разогнаться, отталкиваясь от незначущего, было в разговоре легче, прежде чем сообщить действительно важное.

– Римма, я тебя отправляю в отпуск. Прямо с этого дня и часа. Захвати обязательно с собой все наши базы. Сдай на вахту ключи и поезжай куда глаза глядят. Если вдруг на тебя выйдут и начнут спрашивать обо мне, отвечай: ничего не знаю, ничего не ведаю. Что с ним, где он, неизвестно. Все понятно?

– Все, – вздохнула она. – Ты опять вляпался в какое-то дерьмо.

– Типа того, – согласился я.

– Я могу чем-то помочь?

– Спасибо, что предложила. Пока нет, но если вдруг что понадобится, я дам знать.

Я отключился и тут же набрал номер салона «Кейт и Лео».

– Зою пригласите к телефону.

Девушка с рецепции показалась шокированной:

– Что вы?! – зашептала она в трубку. – Это невозможно! У нее сейчас клиент!

Я не стал дольше разговаривать. Значит, Зоя, несмотря на вчерашнее нападение и мое категорическое предупреждение, не приняла опасность всерьез. Конечно,

она мне никто, и это не мое дело, но жалко мальчишку в очочках с фотки – останется Тема сиротой. Да и маму его жалко.

Я свернул с Садовой на Мясницкую, а потом на Чистые пруды. Сам в это время набрал номер дружбана моего с Петровки Перепелкина. В принципе то был единственный человек (кроме меня самого), кто мог в создавшихся условиях как-то прикрыть мою задницу.

С каждым новым годом нашей дружбы (и дальнейшим продвижением Сани по карьерной лестнице) в его голосе – по крайней мере, в разговоре со мной – появляется все больше барственных и вельможных ноток. Но я терплю – что остается делать, приятеля со столь высоким полицейским положением еще поискать.

– Ты опять, – хохотнул в трубку полковник Перепелкин. – Что еще?

– В двух словах не скажешь. Давай встретимся, пообедаем. Только срочно. Я угощаю.

– Да, видать, тебя припекло. Сейчас гляну расписание. Давай сегодня в тринадцать тридцать. У меня будет минут двадцать – полчаса. Приходи в суши-бар на Каретном. Можешь заказать мне роллы «Калифорния» и «Филадельфия». И зеленый чай с жасмином.

Что ж, если друг считает, что может использовать тебя в качестве официанта-метрждотеля, ты сам виноват, не надо подставляться. Но выбора у меня не было, приходилось терпеть.

Я нашел местечко для парковки на Чистопрудном бульваре.

Обошел пруд и вскорости входил в салон красоты «Кейт и Лео». Девушка-рецепционист – другая, не вчерашняя – поднялась навстречу. «Добрый день, вы к нам записаны?» Но она мне была не нужна, только помеха, потому что я уже видел в стороне голову Зои, склоненную за своим столиком над пальчиками какой-то гримзы. Я подошел к ней. Она подняла на меня глаза.

– Зоя, нам надо срочно поговорить.

Девушка рассыпалась в извинениях перед гримзой. Та разглядела мою фигуру, и в ее глазах заблистали искры интереса: ого, явился незваный муж/друг/любовник/поклонник, предстоит объяснение, вау, мыльная опера! За моей спиной зашипела рецепционистка: «Молодой человек! Так не делается! Вы мешаете работать! Это неприлично!» Зоя прервала девушку: «Прости, Катя. Действительно, очень важно. Буквально вопрос жизни и смерти. Это нашей Аленки касается».

Мы с Зоей вышли из салона. Я в двух словах обрисовал ей ситуацию: убийство в гостинице, мой полет из окна. Она побледнела. Я заключил:

– Зоя, дело нешуточное. Бросай здесь все, уезжай. Срочно! Ты сама справедливо сказала: вопрос жизни и смерти. Даже домой не заезжай, сразу на вокзал. Ты меня хорошо поняла?

Девушка кивнула.

– И напоследок еще пару вопросов: тебе имя Влад применительно к Алене что-нибудь говорит?

Она на секунду задумалась, а потом отрицательно замотала головой.

– А Михаил Владимирович?

Снова на ее личике отразилось напряженное воспоминание, но опять она сочувственно вздохнула:

– Нет, ничего. Впрочем, я сегодня с девчонками поговорила. Может, они тебе что-то расскажут? Та же Катька, например, она гораздо ближе с Аленой была. Я ее сейчас к тебе пришлю. А сама пойду. Извини, сам видишь, у меня клиентка.

– Уезжай сегодня же, – повторил я. – Ты поняла?

Зоя кивнула, вдруг поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

– Спасибо, Паша, что заботишься обо мне, – сказала она на прощание.

Ей на смену вышла рецепционистка Катя. Она была не по летней московской погоде одета в черное платье и черные колготки. Зато платье оказалось очень коротким. И ножки стройненькими. В руках девушка держала телефон – не дай бог пропустить хоть один звонок от клиента, надумавшего воспользоваться услугами салона «Кейт и Лео»!

– Катя, это очень важно, – начал я. – Скажи, у Алены был любовник?

Девушка задумалась – но не так, как Зоя, которая безуспешно припоминала. Рецепционистка оценивала меня: достоин ли я того, чтобы доверить мне эту тайну.

– Послушай, – поторопил я ее, – муж Алены мертв. Сегодня утром убили еще одного человека. Я не хочу, чтобы смерти продолжались. Если знаешь, скажи, я клянусь, что не использую твою информацию во зло. Никому, включая Алену.

– Был у нее один тип, – наконец выдавила из себя Катя. – Встречались они где-то с год.

– Кто такой? Как его звали?

– Ничего она не рассказывала. Ни имя, ничего. Встречались они где-то на квартирах. В рестораны он ее водил. Но мутный какой-то. Как я понимаю, очень себе на уме.

– Хоть что-то Алена про него рассказывала? Возраст? Чем занимается? На чем ездит?

– Нет, ничего я не знаю.

– А кто-нибудь может знать?

– Ну, разве что Кристи...

– А кто такая Кристи? – спросил я, хотя уже слышал применительно к пропавшей это имя.

- Подружка Алены, землячка ее, Кристина. Они когда-то вместе в столицу с Дальнего Востока приехали. Но она не у нас работает.

- Телефон ее имеется?

- Да, в базе есть, она к нам приходила, Алена ей скидку делала.

- Дашь мне его, - приказал я. Катерина кивнула. Я перевел разговор на другую персону: - Скажи, а имя Влад тебе ничего не говорит? Алена о таком не говорила?

- Нет, не припоминаю.

- А Михаил Владимирович?

И тут мне улыбнулась удача.

- Михаил Владимирович, Михаил Владимирович... - наморщила лоб она. - Был у нас такой клиент. Не очень давно. Важный, богатый. Как раз к Алене ходил.

- Фамилия его как?

- А вот фамилию он точно не называл. Наверное, типа, супер-ВИП, не хотел, чтобы признали.

- ВИП - в какой области, если по виду судить? Бизнесмен, чиновник, силовик, артист?

- Не артист точно. А бизнюк или чинуша - все они сейчас на одно лицо. Одет дорого, часы очень дорогие. Любит командовать: возьмите, принесите, унесите.

- А телефон его?

- Телефон в базе есть.

Мы поднялись по ступенькам в салон, и через три минуты я стал обладателем еще двух номеров – подружки Алены по имени Кристина и по фамилии Попригина и важного человека Михаила Владимировича. Оба номера я, на сей раз не полагаясь на память, занес в базу своего левого мобильного. И телефон этого Михаила Владимировича НЕ совпадал с тем, что я увидел в аппарате, похищенном у убиенного Вячеслава. Был он с московским префиксом. Возможно, это был другой Михаил Владимирович. Или у него имелась как минимум пара телефонов.

– На всякий случай я прошу тебя, – наклонился я на прощание к рецепционистке Кате, – не надо давать никому координаты Кристины. И сменщице своей, пожалуйста, об этом скажи.

Потом я снова подошел к столику, где Зоя вернулась к обработке ногтей грымзы. Последняя подняла на меня глаза и уставилась с удвоенным интересом – в салонах красоты секреты не держатся, и, видимо, маникюрша рассказала клиентке о том, кто я и чем занимаюсь. Наплевав на интерес клиентши, я обратился к девушке:

– Пожалуйста, Зоя, еще раз: уезжай. Немедленно. Прямо сейчас.

* * *

Я вернулся к машине, проехал по бульвару вперед, развернулся в районе Маросейки и возвратился к Петровке. Было довольно стремно разъезжать и разгуливать в непосредственной близости от штаб-квартиры московского уголовного розыска, но я исходил из того, что труп Вячеслава обнаружили не далее как два часа назад. Вряд ли сыскари за это время успели меня установить и отправить мои данные в розыск.

В суши-баре на Каретном при моем появлении ударили в гонг и чуть не в пояс поклонились. Однако лица казахов и киргизов, изображавших здесь японцев, выглядели печальными. Посетителей, кроме меня, было не более двух. Золотых рыбок в аквариуме (и поваров, скучавших на открытой взору кухне) имелось явно больше. Заведение очевидно прогорало. Падение рубля делало их бизнес, основанный на морепродуктах, доставляемых за тридевять земель, явно малорентабельным.

Я занял место в дальнем полутемном углу. Подскочившей официантке сделал заказ: роллы и зеленый чай для моего друга-полковника. Мне самому есть совершенно не хотелось. Но кто знает, где мне теперь доведется ужинать? Вдобавок в ИВС и СИЗО меня точно не станут потчевать японской кухней. Поэтому для себя я заказал две пары суши и двойной эспрессо.

Буквально через минуту после того, как закуски подали на доске, с васаби, соевым соусом и маринованным имбирем, появился Перепелкин. Он будто подсматривал, когда все будет готово. Или имел феноменальную чуйку. Скорее, второе – иначе не сделал бы карьеры в столичной полиции. Одет он был в штатское – впрочем, в мундире я его давненько не видывал, чуть не со времен присяги.

Саня пожал мне руку, выразительно глянул на часы. Типа, занятой я человек, времени мне с тобой много терять некогда. Скомандовал: «Давай, рассказывай». С каждым годом и нашей новой встречей Перепелкин все больше набирал в высокомерии и снисходительности.

– Что там с убийством в Марьине? – спросил я.

– Работаем, – пожал плечами мой собеседник. – Больше ничего определенного сказать не могу.

Я всегда думал, что японскую кухню надо вкушать размеренно и неторопливо – но Саня свои роллы, напротив, именно что жрал, другого слова не подберу. Хватал прямо рукой рисовый рыбный колобок, обмакивал его в соус и целиком отправлял в рот. Роллы исчезали с дощечки с пугающей быстротой. При этом Перепелкин явно получал от питания удовольствие, мощно работал челюстями, шумно заглатывал и разве что не урчал.

Стараясь быть экономней в словах, я поведал приятелю о вчерашнем нападении на Зою. И о сегодняшнем убийстве Вячеслава.

По мере того как я продвигался в своем рассказе, лицо Сани делалось все мрачней и, я бы сказал, быковатее. Когда я закончил (это чудесным образом совпало с моментом, когда товарищ полковник завершил свою трапезу), он рявкнул:

– Ну, и зачем ты мне все это рассказываешь?! Как я должен, по-твоему, это воспринимать?! Я воспринимаю – как подставу. Потому что если я все это знал и тебя немедленно, на этом самом месте, не арестовал – значит, я тебя покрываю. А если покрываю – значит, имею свой личный и, наверное, корыстный интерес. Значит, кто я после этого получаюсь? Коррупцированный полицейский. УСБ только и остается, что принять меня под белы ручки. Давай, Паша, показывай, где ты там прячешь «жучок».

Я смотрел на своего давнего дружка со все возрастающим удивлением. Я не стал говорить, что у него, видимо, развилась паранойя. Или что о борьбе с коррупцией чаще всего разглагольствуют – согласно принципу «на воре шапка горит» – как раз коррупционеры.

Напротив, тихо и внушительно, словно впрямь говорю с психбольным, я молвил:

– Ситуацию, Саня, можно рассмотреть с другой стороны. Я, допустим, твой личный агент. И я дал тебе, безвозмездно, то есть даром, информацию, что позавчерашнее убийство в Марьине гражданина Зюзина связано с сегодняшним душегубством на Никитской. И, возможно, в деле замешаны два амбала, которые передвигаются по городу на «Нексии» номер такой-то. Во всяком случае, вчера они напали на Зою Шагину. И все эти дела, возможно, как-то объединены с исчезновением неделю назад некой Елены Румянцевой, работавшей маникюршей в салоне «Кейт и Лео» на Чистопрудном бульваре. И, кстати, непосредственно перед сегодняшним убийством Вячеслава ему звонил некий Влад, номер мобильного нижеследующий. – И я продиктовал ему по памяти телефон возможного убийцы.

– Я тебя услышал, – буркнул Перепелкин. Мои увещевания отчасти смягчили его. – Что ты от меня хочешь?

– Чтобы, когда твои подчиненные выйдут на меня – а они, боюсь, скоро выйдут, – мое тело не вязали и не тащили сразу в ИВС. А потом не закрывали в СИЗО. Пусть допросят, я не против, но потом отпустят.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Более подробно об этом можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Проигравший получает все» и «Бойся своих желаний».

Купить: https://telnovel.com/litvinovy_anna/slishkom-mnogo-lyubovnikov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)